

ГЛАВА 2

РУССКИЕ В БЕЛОРУССИИ И МОЛДАВИИ

2.1

РУССКИЕ БЕЛОРУССИИ

Имперский период

Как и в случае с русско-украинским взаимодействием, центральные ареалы расселения «проторусского» и «протобелорусского» населения были разнесены пространственно на несколько сотен километров. Однако ряд периферийных регионов двух формирующихся народов не просто соприкасался, но на некоторых территориях достаточно продолжительное время представлял собой почти единый демографический массив со слабо выраженной этнокультурной спецификой, совмещавшей черты обоих сообществ.

Аналогичным образом этот этнокультурный лимитроф совмещался в XVI–XVII вв. с государственным порубежьем Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского (после 1569 г. – Речи Посполитой). Государственная принадлежность таких периферийных территорий, как правило, и определяла этнокультурную эволюцию местного населения – становилось ли оно со временем великорусским или постепенно приобретало белорусские языковые, бытовые, психоментальные и социокультурные характеристики.

Причем, в отличие от русско-украинского лимитрофа, пространство русско-белорусского этнокультурного взаимодействия территориально оставалось достаточно устойчивым и не могло быть увеличено за счет территорий нового освоения. «Пустых» районов вокруг него просто не было.

А плотная система расселения со стороны обоих этнокультурных ареалов ограничивала миграционное взаимопроникновение представителей двух народов. Что, конечно, не мешало локальной взаимной инфильтрации, постоянной пограничной циркуляции населения и появления некоторого числа выходцев из Московского государства на белорусских землях, входящих в состав Речи Посполитой. Однако речь, как правило, шла об «одиначках» или небольших группах. Численность русских в пределах будущей Беларуси кратно выросла после церковного раскола. Во второй половине XVII в. на белорусских землях формируется два основных ареала расселения старообрядцев – в Полесье, недалеко от Гомеля (вокруг поселения Ветка), и около Браслава и Видзы (Подвинье, современная Витебская область).

Данные группы русского населения могли насчитывать многие тысячи человек. Имеются свидетельства, что во время карательной экспедиции, предпринятой в 1735 г. российскими властями против первого из этих ареалов раскольников, было захвачено и выселено в Россию около 14 тыс. чел. (Ветка находилась всего в 70–80 км от русско-польской границы.) Спустя три десятилетия (в 1764 г.) карательная акция была повторена, и старообрядцы, сумевшие укрыться от нее, ушли дальше на запад, расселившись по Минскому воеводству.

К концу XVIII в., когда белорусские земли после трех разделов Польского государства полностью оказались в составе Российской империи на территории будущей Беларуси, по расчетам В.М. Кабузана, проживало порядка 40 тыс. чел. русского населения¹. Из них 27,6 тыс. приходилось на земли будущей Витебской губернии. В Могилёвской и Минской губерниях находилось соответственно 8 и 3,5 тыс. чел. русских.

Однако существуют и другие точки зрения. Особенно с учетом того обстоятельства, что с момента последнего присоединения Смоленска с окрестностями «новая русско-польская граница так и не оформилась окончательно и оставалась “неразведенной”, заставы и пограничные таможи во многих местах отсутствовали»². Прозрачность границы являлась причиной массового бегства российских крепостных крестьян (в подавляющем большинстве русских) на польскую сторону. Согласно Ю.А. Борисенку, в начале 1760-х гг. численность беглых составляла примерно 120 тыс. душ мужского пола, что вело к серьезному опустошению пограничных уездов Смоленской губернии, Псковской и Великолуцкой провинций³.

¹ Кабузан В.М. Русские в мире. С. 279.

² Борисенок Ю.А. Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 117.

³ Там же.

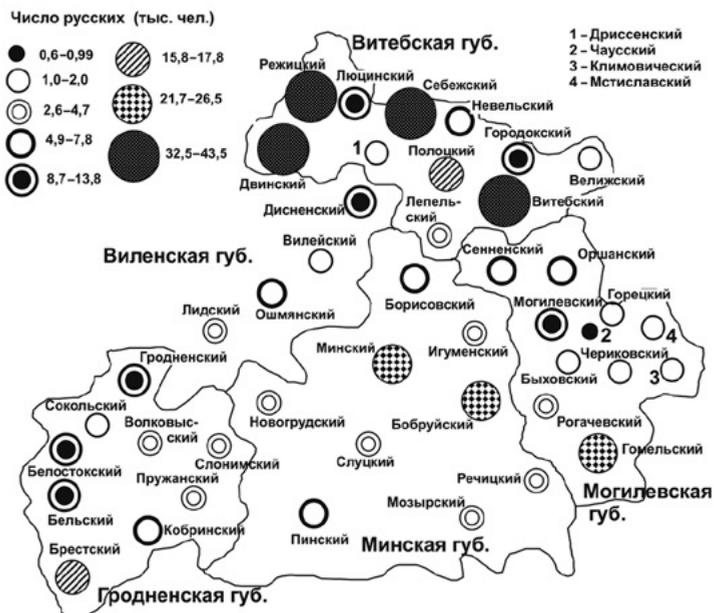
Если порядок данных цифр соответствует действительности, то уже в середине XVIII в. русское население на белорусских землях могло приближаться к четверти миллиона человек. Причем самая значительная часть этого множества должна была концентрироваться на востоке белорусского этнокультурного ареала – едва ли беглецы стали бы далеко продвигаться на запад. Тем более что в этом направлении плотность системы крестьянского расселения только росла. Однако и в восточных провинциях она была весьма значительной, чтобы дать возможность разместиться на местных малоплодородных землях столь большому числу русских новоселов.

Не подтверждает столь масштабного русского демографического проникновения в пределы белорусских земель и последующая количественная динамика русского населения. Согласно 10-й ревизии (1858 г.), численность русских в четырех белорусских губерниях составляла 69 тыс. чел. (1,5 % от общего числа жителей). Таким образом, в первой половине – середине XIX в. либо наблюдался медленный рост русского этнического присутствия на белорусских землях, либо произошло кардинальное его сокращение. Первое представляется значительно более вероятным. При этом низкие темпы этого роста указывали на то, что он был связан в первую очередь с естественной динамикой местного русского населения. Не изменилась и его география – основная масса русских по-прежнему была сосредоточена в Витебской губернии. Миграционный приток русских из центральной и северо-западной России оставался незначительным. Болотистые земли, к тому же достаточно плотно населенные, едва ли могли привлечь к себе крестьян-колонистов, а городская сеть, состоящая из множества маленьких центров и местечек, оставалась совсем непривлекательной для трудовых мигрантов из других макрорегионов Российского государства.

Положение начинает меняться в пореформенные десятилетия. Ускорение социально-экономического развития и набирающая темпы урбанизация – основные катализаторы миграционной активности населения на всем пространстве империи. Народы, многие десятилетия (если не века) плотно сидевшие в своих этнических ареалах, всё активнее включаются в жизнедеятельные циклы огромной страны, переселяются в другие ее регионы, иногда удаленные на тысячи километров от родных мест.

В отдельных случаях весомую роль могли играть и политические события. Расширение русского присутствия в пределах белорусского этнического ареала относилось к их числу. Миграционный приток, помимо влияния экономических факторов, был связан с переселением на земли польского дворянства русских помещиков, начавшимся после подавления Польского восстания 1863–1864 гг.

Численность русских по уездам, включая ряд уездов Виленской губернии (тыс. чел.)

Доля русских в населении по уездам (%)

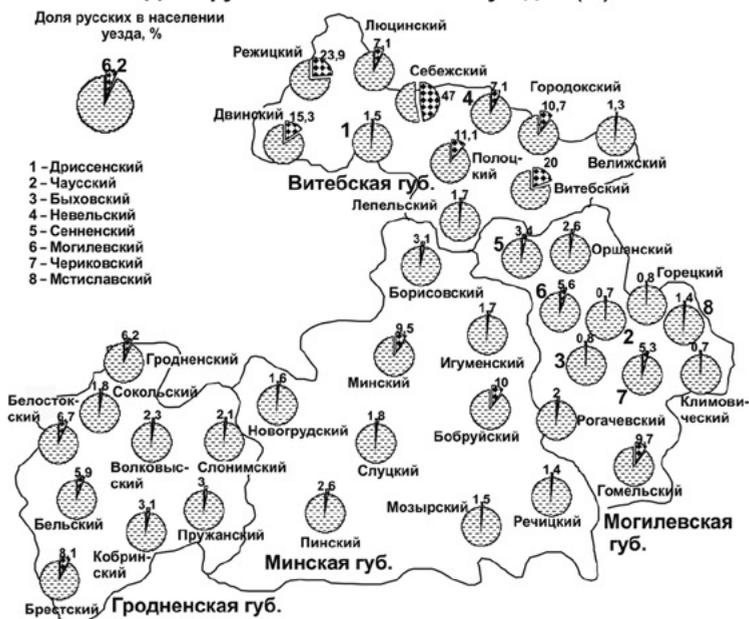

Рис. 2.1. Русские в белорусских губерниях, 1897 г.¹

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan

За период 1858–1897 гг. число русских в четырех белорусских губерниях вырастает в 6 раз – с 69 до 414 тыс. чел. (6,2 % всего населения). При этом география их расселения изменилась незначительно. По-прежнему значительная часть русских проживала в Витебской губернии, в Себежском уезде которой их доля составляла почти половину населения, в Режицком уезде – чуть менее четверти, в Полоцком – 20 % (рис. 2.1; табл. 2.1).

Таблица 2.1. Динамика русского населения в белорусских губерниях, 1795–1917 гг.¹

Губернии	Численность русских, тыс. чел.				Доля русских в населении, %			
	1795	1858	1897	1917	1795	1858	1897	1917
Витебская	27,6	43,5	198,0	456	3,8	5,5	13,3	23,4
Гродненская	–	2,7	74,1	6,1	–	0,3	4,6	0,3
Минская	3,5	5,0	84,0	231	0,4	0,5	3,9	7,6
Могилёвская	8,2	17,5	58,1	809	1,0	2,0	3,4	32,9

В несколько раз за последнюю треть XIX в. выросло число русских и в Могилёвской губернии, а в двух других губерниях (Гродненской и Минской) их стало больше на порядок (табл. 2.1). Хотя в долевом соотношении они всё еще составляли несколько процентов. Показательно, однако, что гендерная структура русского населения была сбалансированной только в Витебской губернии (на 100 женщин здесь приходилось 108,6 мужчин). В Могилёвской губернии, также граничившей с великорусским центром, мужской перевес был несколько больше (114,5 мужчин на 100 женщин), в Минской поднимался до 135 чел., а в самой западной из губерний – Гродненской – на 100 русских женщин приходилось уже 240 мужчин, что являлось одним из признаков начальной стадии освоения этнической группой данной территории.

Система расселения русских в белорусских губерниях обнаруживала и другую особенность, характерную для русского населения в пределах всех национальных регионов империи. На территориях с плотной системой расселения коренных поселян русские максимально тяготели к городам и демонстрировали более высокий уровень урбанизации, чем в пределах собственно великорусского ареала. К рубежу XIX–XX вв. наиболее урбанизированным являлось русское население на западно-белорусских землях. Чем менее социоэтнокультурно близким оказывался район проживания русских, тем более они тяготели к его городским центрам. Если в Могилёвской губер-

¹ Составлено по: Кабузан В.М. Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan

нии в конце XIX в. в городах проживало менее четверти местных русских, то в Минской и Гродненской губерниях – уже больше половины (рис. 2.2).

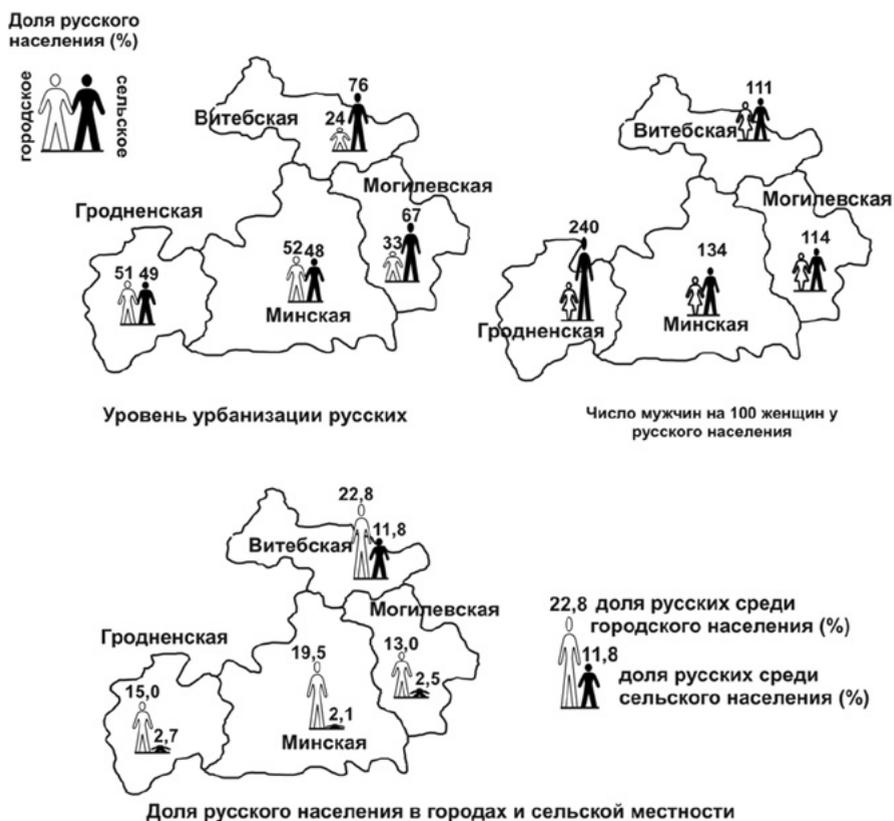

Рис. 2.2. Гендерная структура и расселенческие характеристики русских белорусских губерний, 1897 г.¹

Начало XX в. продолжает этнодемографические тенденции предыдущих десятилетий. Число русских в пределах белорусского этнического ареала продолжает быстро расти. Согласно данным В.М. Кабузана, в 1917 г. в четырех белорусских губерниях проживало уже более 1460 тыс. русских [Кабузан, 1996, с. 279]. При этом выведенные им для этого года значения удельного веса русского населения на данных территориях при перерасчете в абсолютные цифры дают еще более значительную демографическую величину, превышающую 1,5 млн чел. В любом случае к концу имперского периода мог быть достигнут исторический максимум русского этнокультурного присутствия на белорусских землях, который не был превзойден даже в советский период.

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan

Однако вопрос в том, насколько ситуация 1917 г. соответствовала реалиям довоенного времени, то есть отражала устойчивые тренды этнодемографической динамики данного национального региона, а не конкретику военного времени, связанную с перемещениями огромных масс беженцев. В годы Первой мировой войны линия фронта проходила непосредственно через территорию белорусских губерний. А в таких условиях национальная структура населения (как и все другие его значимые характеристики) была подвержена непрерывным и весьма существенным трансформациям, связанным с военно-политической ситуацией и движением линии фронта.

На это в частности указывают и данные по отдельным территориям. Так, в Могилёвской губернии доля русских в структуре населения в 1917 г. достигала 32,9 % (против 3,4 % в 1897 г.), а в Гродненской составляла только 0,3 % (4,6 % в 1897 г.). Набравший темп процесс обрусения части белорусского населения Могилёвской губернии, на который указывает В.М. Кабузан, мог быть только одной из причин столь стремительного абсолютного и удельного роста русских, число которых за 20 лет (1897–1917) выросло в 14 раз и превысило 800 тыс. чел. Существенную роль, очевидно, играли и потоки беженцев, покидавших территорию Западной Белоруссии и временно оседавших в ее восточных районах. По крайней мере 15-кратное сокращение удельного веса русских в пределах Гродненской губернии определялось в первую очередь именно этой причиной.

Впрочем, общая численность русского населения, сконцентрированного в это время на белорусских землях (прежде всего в Витебской и Могилёвской губерниях), – прямое свидетельство значительного его демографического роста здесь в первые полтора десятилетия XX в.

Советский период

Первая мировая сменилась Гражданской войной, последовавшим разделом белорусского этнического ареала между Советской Россией и Польской Республикой. Самым существенным образом изменилось и административно-территориальное устройство бывших белорусских губерний, расформированных уже на рубеже 1920–1930-х гг. Согласно переписи 1920 г., в пределах двух новых областей – Витебской и Гомельской¹ – проживало около 1,7 млн русских (табл. 2.2).

¹ Вторая из них в основном занимала земли бывшей Могилёвской губернии.

Таблица 2.2. Ведущие национальные сообщества двух областей Советской России в 1920 г.¹

Области	Русские		Белорусы	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Витебская	446	32,6	779	40,9
Гомельская	1269	53,4	792	32,1

В составе Белорусской ССР, созданной в 1922 г., находились округа, которые в конце данного десятилетия составили территории четырех областей – Минской, Могилёвской, Витебской и Гомельской. Земли имперской Гродненской и западные уезды Минской губерний вошли в состав Польши.

Перепись 1926 г. зафиксировала в пределах Белорусской ССР 384 тыс. русских (7,7 % населения республики), почти в четыре раза меньше, чем их проживало в четырех белорусских губерниях в самом конце имперского периода (1916–1917 гг.). Конечно, БССР в середине 1920-х гг. занимала меньшую территорию. Однако она включала все те районы, в которых была расселена основная масса русского населения. На западно-белорусских землях, отошедших к Польше в середине 1920-х гг., оставалось около 100 тыс. русских. Рассчитывая динамику численности русских в пространственном контуре современной Беларуси, В.М. Кабузан дает для 1917 г. цифру 1461 тыс. чел., а для 1926 г. – 485 тыс. чел.² – без объяснения причин этого трехкратного сокращения, которое в данном случае не может быть объяснено административным переделом (территория одна). Нельзя объяснить это сокращение и миграционным оттоком русского населения в период Первой мировой и Гражданской войн. Как уже отмечалось, еще в 1920 г. в двух областях, составивших территориальную основу БССР, русских насчитывалось 1,7 млн чел. Конечно, отток мог происходить и в последующие годы. По данным переписи 1926 г., отрицательное сальдо миграции составило для Белоруссии 469 тыс. чел.³ Но покидали пределы республики не только русские.

Очевидно, что центральную роль в столь разительном демографическом сжатии русского населения на белорусских землях играла динамика самоопределения населения со сложной национальной идентичностью. Именно активное обрусение части белорусов являлось причиной масштабного роста русского этнического присутствия в пределах Витебской и Могилёвской губерний. Но это же самое население, считавшее себя русским в 1917

¹ Составлено по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. М., 1924. С. 30–31.

² Кабузан В.М. Русские в мире. С. 279.

³ Русские. Этносоциальные очерки. М., 1992. С. 29.

и 1920 гг., во время переписи 1926 г. самоопределилось в качестве белорусов. Среди основных причин – появление «собственной» национальной республики и общая политика советской власти, до второй половины 1920-х гг. направленная на активную поддержку всех национальных меньшинств государства. Конечно, белорусизация общественной жизни БССР была не столь масштабной, как украинизация в соседней советской республике. И тем не менее она могла играть заметную роль в развороте вектора ассимиляционного процесса.

Показательно сравнение национального состава населения двух областей, составивших территориальную основу Белорусской ССР (1920 г.) и самой Белоруссии (1926 г.). За шесть лет соотношение русских и белорусов изменилось кардинально (табл. 2.3). В самом первом приближении в пределах БССР около 1,5 млн чел., ранее самоопределявшихся как русские, в 1926 г. назвались белорусами. Это сказалось и на их общей численности в стране: если в 1920 г. белорусов в СССР было 1,89 млн чел., то в 1926 г. уже 4,74 млн чел.

Заметим, что данная масштабная идентификационная инверсия осталась практически незамеченной (и потому неисследованной) научным сообществом, в отличие, например, от массового обрусения в 1930-е гг. южнороссийских или дальневосточных украинцев.

Таблица 2.3. Национальный состав населения двух «белорусских» областей Советской России (1920 г.) и БССР (1926 г.)¹

Национальности	Витебская и Гомельская области, 1920 г.		Белорусская ССР, 1926 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Русские	1715	45,8	383,8	7,7
Украинцы	103,1	2,75	34,7	0,7
Белорусы	1571	42,0	4017	80,6
Поляки	33,4	0,9	97,5	2,0
Евреи	290,8	7,8	407,1	8,2
Остальные	30	0,8	43	0,9
Всего	3743	100	4983	100

Итак, активное обрусение белорусов в начале XX в. (в конце первой его четверти) остановилось и пошло вспять, как это произошло веком ранее, после включения белорусского этнокультурного ареала в состав Российской империи, с процессом полонизации белорусов, в свое время также

¹ Составлено по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 30–31; данные Всесоюзной переписи населения 1926 г.

имевшим значительные масштабы. Таким образом, белорусы демонстрировали высокую идентификационную пластичность и восприимчивость к реализуемому центральной властью социоэтнокультурному проекту. В разное время они в значительном числе самоопределялись как поляки, как русские, а когда советская власть в своей борьбе с великорусским шовинизмом начала всемерно поддерживать национальные меньшинства, белорусское население не столько вернулось к своей «базовой» социоэтнокультурной идентичности (до начала XX в. она оставалась весьма расплывчатой), сколько приступило к окончательному ее оформлению. Данный процесс всё более устойчивой идентификации себя как белорусов и представлял основное содержание становления самостоятельной белорусской нации.

Так или иначе, но численность русских в пределах республики в середине 1920-х гг. вернулась к уровню конца XIX в. Но с учетом того, что всё население за этот период заметно выросло, доля русских в большинстве округов БССР оказалась ниже, чем в соответствующих уездах белорусских губерний. Исключение составил только юго-запад республики – Гомельский и Речицкий округа, которые за 30-летний период (1897–1926 гг.) превратились в крупнейшее средоточие русского населения, широко расселенное как в местных городах, так и в сельской местности. Если во всей остальной Белоруссии удельный вес русских в сельских территориях составлял 0,5–5,8 %, то в Речицком уезде их доля была уже более четверти местных поселян, а в Гомельском – 38 % (рис. 2.3). Столь значительный вес в пределах сельской местности, как правило, был связан с высокой степенью территориальной укорененности. На это же указывала и сбалансированная гендерная структура местных русских. Тем более что на западе и в центре республики мужской перевес у русского населения оставался 2–3-кратным (рис. 2.4).

В целом же по БССР местными уроженцами, входившими в состав ее территориальных сообществ, в середине 1920-х гг. являлось 67 % русских. Причем для сельского населения данный показатель был еще выше – 81 %, тогда как среди русских горожан республики составлял только 39 %¹.

Почти не изменилась в первой четверти XX в. и форма расселения русских. Уровень их урбанизации за 1897–1926 гг. на белорусских землях даже незначительно снизился (с 35,9 до 34,5 %). А Минск на время утратил зна-

¹ Русские. Этносоциальные очерки. С. 29.

чение ведущего «русского» центра, уступив это место Витебску и Гомелю, в каждом из которых русских в середине 1920-х гг. было в два раза больше, чем в республиканской столице.

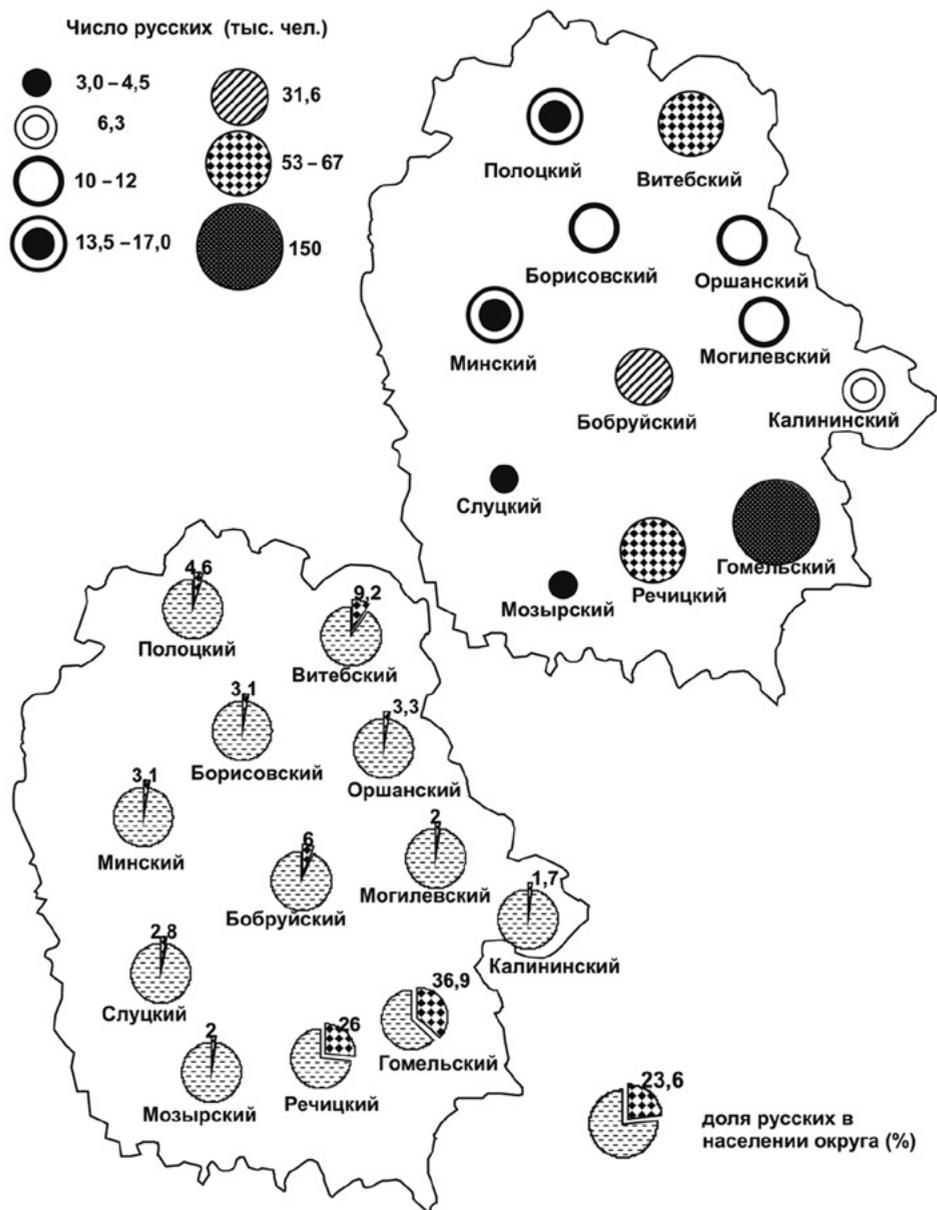

Рис. 2.3. Русские по округам Белорусской ССР, 1926 г. (тыс. чел., %)¹

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php

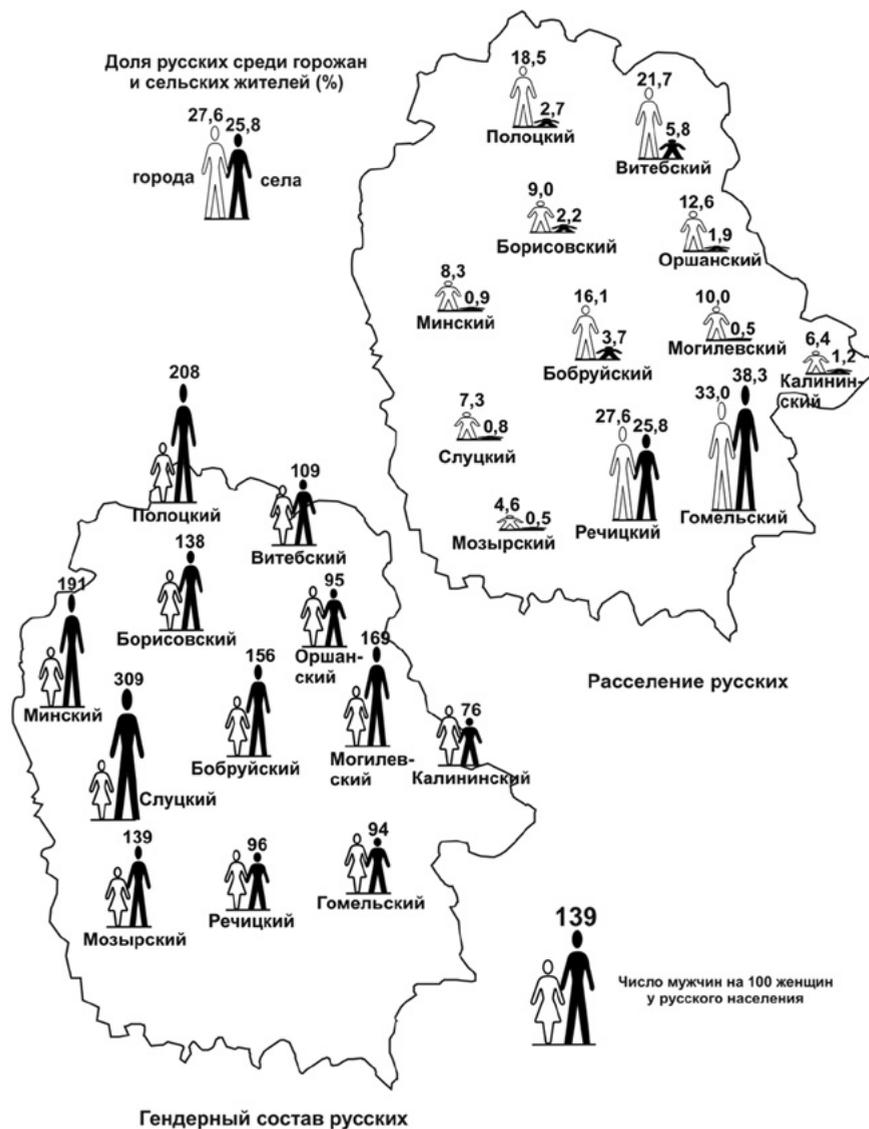

Рис. 2.4. Гендерные и расселенческие характеристики русских по округам Белорусской ССР, 1926 г.¹

Итак, начало советского периода было связано с ускоренным становлением белорусской нации и окончательным этнокультурным самоопределением «протобелорусского» населения. Одним из следствий этого процесса стало кратное сокращение жителей республики, идентифицирующих себя как русских. Численность их в середине 1920-х гг. составляла менее 400 тыс. чел. Последующие

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php

полтора десятилетия, связанные с масштабной социально-экономической динамикой Советского Союза, на этой цифре отразились скорее негативно. По данным переписи 1939 г., численность русских в БССР даже несколько сократилась, составив 364,7 тыс. чел. Между тем с учетом существовавшего в этот период устойчивого естественного прироста русское население республики за 1926–1939 гг. должно было вырасти с 384 тыс. до 435–450 тыс. чел. Таким образом, общие демографические потери русских республики составляли порядка 70–85 тыс. чел. Они могли быть связаны как с миграцией (отъезд на учебу или на одну из всесоюзных строек), так и с завершением начатого в 1920-е гг. процесса активной этнокультурной титулизации белорусского населения.

В географии русских республики произошли заметные изменения, детальный анализ которых, однако, осложняет реформа административно-территориального устройства, появление на месте 12 округов пяти областей. Прежде всего, можно отметить существенное демографическое сжатие русского населения на юго-востоке Белоруссии. Если в Гомельском округе в 1926 г. русских было 150 тыс. чел. (39 % от общего числа в республике), то в значительно большей по территории Гомельской области в 1939 г. осталось только 71 тыс. чел. Соответственно, самым существенным образом сократился и удельный вес их в составе местного населения (табл. 2.4).

Таблица 2.4. Русское население Белорусской ССР в 1939 г.¹

Области и республика в целом	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
Витебская	101,0	52,6	48,4	52,1	7,9	15,3	5,2	151	110	218
Гомельская	71,3	38,1	33,2	53,4	7,8	15,0	5,1	155	116	221
Минская	79,5	46,4	33,1	58,4	6,1	12,0	3,6	190	129	306
Могилёвская	86,6	40,2	46,4	46,5	6,2	12,7	4,3	194	131	285
Полесская	26,3	4,9	21,4	18,6	3,9	6,5	3,6	370	223	426
Вся БССР	364,7	182,3	182,4	50,0	6,5	13,2	4,3	179	122	274

Весьма ощутимым оказался у республиканских русских и гендерный дисбаланс. За период 1926–1939 гг. число русских мужчин в республике выросло на 15 % (с 202 до 234 тыс. чел.), а количество женщин сократилось на 29 % (с 182 до 131 тыс. чел.). Как результат, уже вполне сбалансированная

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39.php

гендерная структура русского населения вновь оказалась серьезно нарушенной. На 100 женщин в конце 1930-х гг. приходилось 179 мужчин (против 110 в 1926 г.). Причем мужской перевес обнаруживался у русских практически на всей территории республики, как в сельской местности, так и в городской среде (за исключением городских центров Витебской и Гомельской областей).

Причины данного явления требуют отдельного анализа. Заметим только, что едва ли данный дисбаланс мог быть результатом миграции, поскольку именно мужчины, более активно включенные в процессы индустриализации и урбанизации, составляли значительную часть учебной и трудовой миграции, направленной из республики в другие макрорегионы СССР.

А спустя год после переписи 1939 г. в состав республики были включены западно-белорусские земли, «ушедшие» из СССР в Польшу и Литву в начале 1920-х. Однако последняя к этому времени перепись населения Польши проводилась в 1931 г., Литвы – в 1923 г. Таким образом, определение численности русского населения данных территорий на рубеже 1940-х гг. требует специальных расчетов. Занимавшиеся данной проблемой специалисты ЦСУ СССР (конец 1950-х гг.) пришли к выводу, что в пределах Западной Белоруссии на момент возвращения в состав Советского Союза проживало 169,4 тыс. русских. Авторы коллективной монографии «Население России в XX веке» после перерасчета сократили данную цифру до 101 тыс. чел.¹ Но в научной литературе присутствуют и другие оценки. Согласно В.М. Кабузану, в 1926 г. в Белоруссии в ее послевоенном пространственном формате проживало 485 тыс. русских (5,9 % всего населения), а в 1939 г. – 536 тыс. чел. (6 %)². На землях «зарубежной» Белоруссии в 1926 г. могло находиться 101 тыс., а в 1939 г. – 171 тыс. русских. Но анализ этнической структуры населения соответствующих польских территорий в 1920–1930-е гг. дает гораздо меньшие цифры.

По переписи 1931 г.³, из 1052 тыс. жителей Новогрудненского воеводства Польши (по своей территории в целом соответствовавшего современной Гродненской области) основными группами населения были поляки (553,9 тыс.), белорусы (413,5 тыс.) и евреи (76 тыс.). На все остальные национальности, включая русских, приходилось в сумме только 13,2 тыс. чел. Система русского расселения, сложившаяся на данных территориях во второй половине XIX – начале XX в., в после-революционный период прекратила свое существование.

¹ Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 10.

² Кабузан В.М. Русские в мире. С. 279.

³ Во время данной переписи населения Польши, аналогично Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., задавался вопрос не о национальной принадлежности, но о родном языке и вероисповедании. Именно родной язык может быть взят за оценку этнической структуры населения, что при известной неточности позволяет получить в целом объективную картину изучаемого явления.

Аналогичным образом ушли русские с территории Полесского воеводства (современные Брестская область Беларуси и северные районы Волинской и Ровенской областей Украины). Из 1132 тыс. местных жителей 62,6 % составляли белорусы, 15 % – поляки, 10 % – евреи, 5 % – украинцы. На остальные национальности, включая достаточно многочисленных цыган, приходилось только 7,4 % населения (84 тыс. чел.). Таким образом, в пределах данных двух воеводств в начале 1930-х гг. могло проживать не более 20–40 тыс. русских¹. А к концу этого десятилетия число их могло еще больше сократиться.

Но если всё же предположить, что ближе к действительности цифра, предложенная авторами указанной выше монографии, то численность русских в Белорусской ССР перед войной составляла около 465 тыс. чел. (4,4 % от общей численности населения).

В последующие несколько лет демографическая динамика республики была связана с самой кровопролитной в истории человечества войной, которая унесла жизни почти четверти населения Советской Белоруссии. Есть все основания полагать, что не меньшими оказались и удельные потери местного русского населения. Таким образом, в середине 1940-х гг., после возвращения из эвакуации основного массива беженцев, в республике могло насчитываться порядка 330–350 тыс. русских.

Однако вызванная войной мощная турбулентность, охватившая население большей части Советского Союза, способствовала притоку в республику новых переселенцев. Перепись 1959 г. зафиксировала в пределах Белоруссии уже 660 тыс. русских, которые по целому ряду социодемографических характеристик заметно отличались от довоенного русского населения республики. Самым существенным образом повысился уровень урбанизации (с 50 до 72,9 %). Кардинальным образом изменилась гендерная структура. Почти двойной мужской количественный перевес, обнаруживаемый у республиканских русских на протяжении всего межвоенного периода, сменился количественной доминантой женского населения. Центральную роль в этом сыграла Великая Отечественная война и огромные потери мужского населения. Но, очевидно, имелись и другие причины², в т. ч. постепенно возрастающая укорененность русского населения.

¹ И в целом Польша, на рубеже 1920-х гг. ставшая одним из демографических эпицентров всего русского зарубежья, буквально за несколько лет утратила данное качество. По переписи 1931 г., численность русских в Польше составляла порядка 120–130 тыс. чел. (0,4 %) – в разы меньше, чем в начале 1920-х гг.

² Напомним, что предыдущий военный период, включавший также две затяжные и кровопролитные военные кампании, связанные с масштабной сверхсмертностью мужского населения, не имел таких гендерных последствий для русского населения Белоруссии, сохранявшего и в начале 1920-х гг. значительный количественный перевес мужчин.

Его быстрый демографический рост продолжался еще несколько десятилетий, хотя темпы этого процесса постепенно сокращались. Если в конце 1940-х гг. и в 1950-е гг. они могли достигать 5–7 % в год, то в 1960-е гг. ежегодный рост сократился до 3 %, в 1970-е гг. составил 2,3 %, снизившись в последнее советское десятилетие до 1,8 %.

Охватывая все области республики, этот восходящий демографический тренд имел ярко выраженную расселенческую специфику – он был приурочен к городской системе. Набрав стремительный темп в послевоенный восстановительный период развития республики, процесс урбанизации русского населения Белоруссии продолжился и дальше. За период 1939–1989 гг. сельских русских в БССР стало меньше на 2,6 %, зато число русских горожан увеличилось более чем в 6 раз (со 182 до 1164 тыс. чел.) (табл. 2.5).

Таблица 2.5. Русское население Белоруссии, 1939–1989 гг.¹

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
1939	364,7	182,3	182,4	50,0	6,5	13,2	4,3	179	122	274
1959	659,1	480,4	178,7	72,9	8,2	19,4	3,2	86	84	93
1970	938,2	768,6	169,6	81,9	10,4	19,7	3,3	96	95	100
1979	1134,1	978,1	156,0	86,2	11,9	18,7	3,6	94	93	99
1989	1342,1	1164,4	177,7	86,8	13,2	17,5	5,1	91	90	96

Активный процесс урбанизации был одним из основных факторов территориального перераспределения русского населения в пределах Белоруссии. Весь естественный прирост местных русских поселян за 1959–1989 гг. (а это 40–50 тыс. чел.) был «съеден» миграционным оттоком, основным направлением которого являлись города самой республики, и прежде всего крупнейший ее центр. Численность русских в Минске за 1959–1989 гг. увеличилась в 2,8 раза (со 116 до 325 тыс. чел.), тогда как в остальных городах – в 2,3 раза. Городская система БССР притягивала к себе русских переселенцев и из сопредельных регионов РСФСР.

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_

В восточных областях Белоруссии в послевоенные десятилетия «активно развивались новые отрасли промышленности (химическая, нефтеперерабатывающая, электротехническая и некоторые другие), что требовало дополнительного привлечения квалифицированных специалистов, поэтому большинство русских мигрантов расселились в городских населенных пунктах»¹.

Сказанное о восточных регионах в действительности имело отношение ко всей территории республики. Русское этнокультурное присутствие в городах двух западных областей БССР в последние советские десятилетия росло в сопоставимых масштабах. И общий уровень урбанизации русского населения в республике за 1959–1989 гг. вырос с 72,8 до 86,8 %.

Однако многократный рост численности русских горожан не мог быть результатом только сопряженного естественного прироста и притока трудовых мигрантов. За последние 30 лет советского периода естественная динамика увеличила численность русских лишь на 24–27 %. Еще 10 % мог добавить приток русских из сельских районов республики. Достаточно ограниченным был и внешний переселенческий поток.

Более того, общее сальдо межреспубликанской миграции для Белоруссии в 1960–1970-е гг. оставалось отрицательным. В 1960-е гг. во взаимообмене населением с другими союзными республиками БССР потеряла 160 тыс. чел., в 1970-е гг. – 84 тыс. чел. Только в последнее советское десятилетие миграционное сальдо стало положительным, но ограничилось минимальным притоком (3 тыс. чел.)². Конечно, этническая структура миграционной динамики могла иметь свою специфику, и в эти десятилетия русские чаще приезжали в республику, чем покидали ее. Но итоговые цифры едва ли могли составлять значимую демографическую величину.

Очевидно, что самую существенную роль в росте числа русских горожан в республике (а значит, и ее русского населения в целом) в 1950–1980-е гг. играли ассимиляционные процессы, наиболее активно протекавшие как раз в городской среде. Именно в городах максимальное распространение получили межнациональные браки, из которых самыми частыми были браки русских и белорусов.

При этом смешанное потомство таких семей в большинстве случаев выбирало русскую самоидентификацию. Этнокультурная и языковая близость двух восточнославянских народов, сходный уровень модернизации способствовали этому, как и общее воздействие советской официальной культуры,

---

¹ Горбачев О.В., Линн Д.Г. Демографическое развитие российско-белорусского пограничья в условиях урбанизации (середина XX – начало XXI века). М., 2013. С. 29.

² Русские. Этносоциальные очерки. С. 35.

в которой отчетливо доминировала русская компонента. Максимальными масштабы аккультурации (русификации) городских национальных сообществ, включая не только титульное население, но и представителей наиболее крупных республиканских диаспор, были в послевоенные десятилетия.

В 1960-е гг. на ассимиляцию могло приходиться порядка 40–50 % всего демографического прироста русского населения республики (рис. 2.5). А в 1970–1980-е гг. этот показатель мог подняться до 60–70 %. Дополняя естественный прирост (который постепенно сокращался) ассимиляционным пополнением, русские в эти десятилетия являлись одним из наиболее динамично растущих национальных сообществ Белоруссии. Но другим следствием этого процесса стал быстрый рост в структуре местных русских доли биэтнофоров (детальней данный аспект демографической динамики будет рассмотрен ниже).

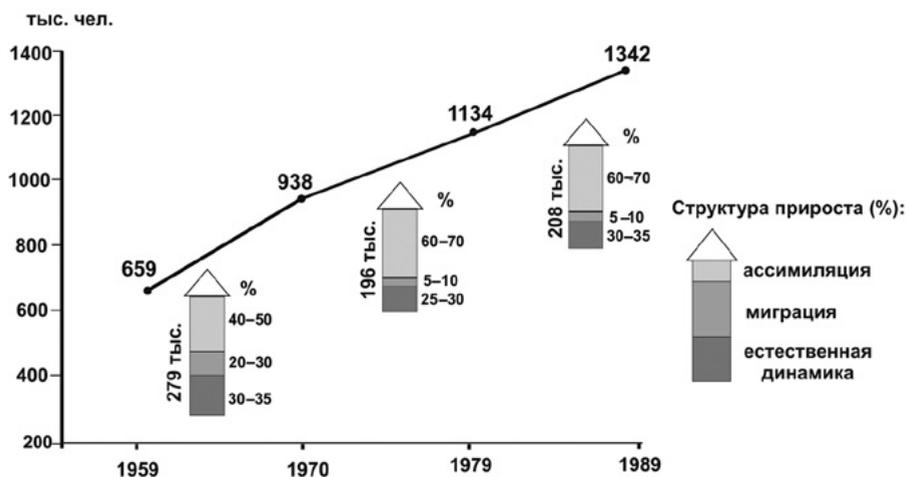

Рис. 2.5. Динамика и структура демографического роста русского населения Белоруссии, 1959–1989 гг.¹

Итак, в результате естественного прироста и ассимиляции число русских в республике росло во всех регионах республики до самого конца советского периода. И этот рост шел опережающими темпами в сравнении с динамикой всего населения Белоруссии и ее титульного сообщества.

Соответственно повсеместно увеличивался и удельный вес русских. Исключение – республиканская столица. Своего максимума доля русских в населении Минска достигла в 1970 г. (23,4 %). И хотя в последующие два десятилетия русское население города выросло еще на 52 % (с 214 до 325 тыс.

¹ Расчеты автора.

чел.), удельный вес его уже пошел вниз – темпы общего демографического роста столицы оказались еще выше (рис. 2.6).

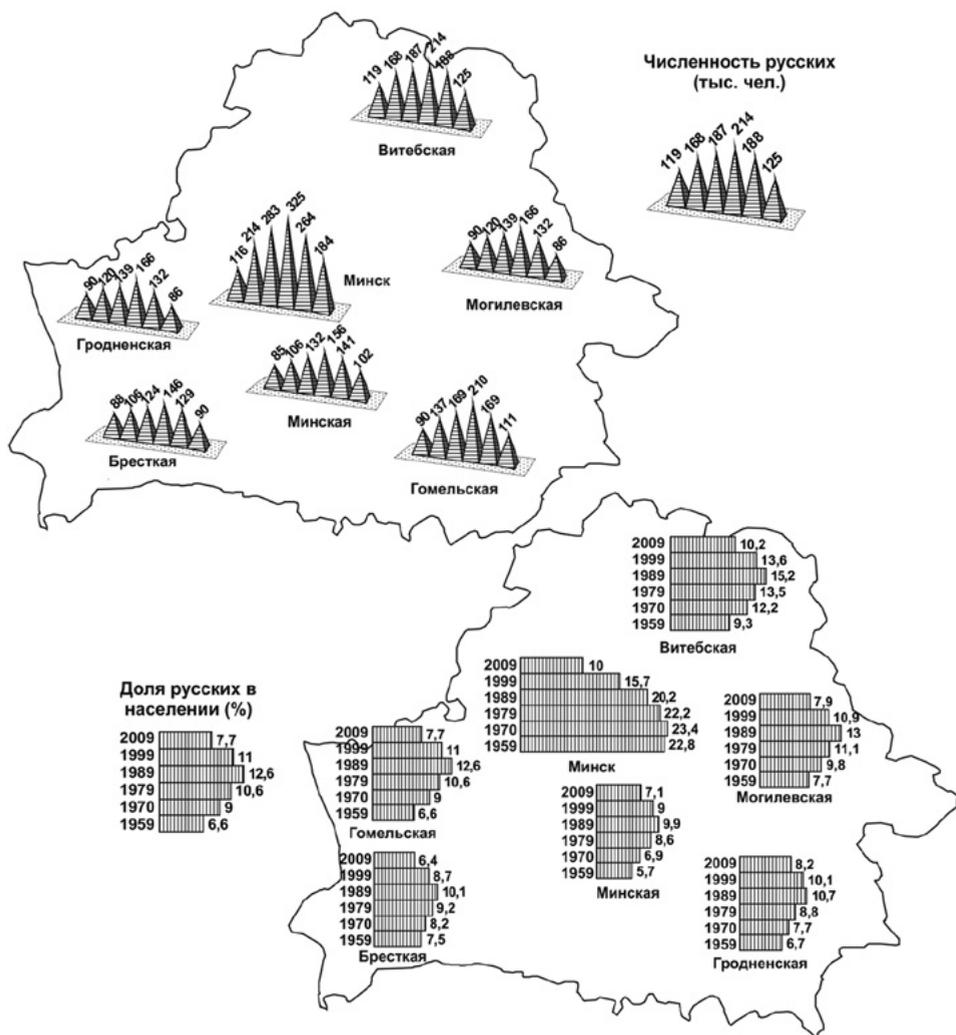

Рис. 2.6. Динамика русского населения по областям Белоруссии/Беларуси, 1959–2009 гг.¹

По переписи 1989 г., в Белорусской ССР проживало более 1340 тыс. русских (13,2 % ее населения). Это население было в самой значительной степени сосредоточено в городах, достаточно равномерно размещаясь по всей территории республики. В западных ее областях удельный вес рус-

¹ Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac__39-89.php; <http://pop-stat.mashke.org/belarus-ethnic1999.htm>; <http://pop-stat.mashke.org/belarus-ethnic2009.htm>

ских лишь немногим уступал ее восточным территориям. И еще на рубеже 1980–1990-х гг. ничто не указывало на возможную существенную коррекцию (тем более на кардинальную смену) восходящего демографического тренда, наблюдавшегося почти весь полувековой послевоенный период.

И тем не менее комплекс этнодемографических и миграционных процессов, связанных с распадом СССР, развернул данный динамический тренд в противоположную сторону.

Постсоветский период

В 1990-е гг. русское население Беларуси начинает сокращаться. Если обратиться к данным первой постсоветской переписи республики (1999 г.), эта убыль была быстрой и повсеместной. Число русских сокращалось в республиканской столице, в других городах, в сельской местности всех белорусских областей. Русские не были исключением. Аналогичную убывающую (если не «пикирующую») динамику демонстрировали и все другие крупные диаспоры республики (польская, украинская, еврейская). Причем темпы их демографического сжатия в начале XXI в. даже возросли по сравнению с первым постсоветским десятилетием.

Стремительное сокращение данных общин можно было бы объяснить высокой миграционной активностью национальных общин, недовольных авторитарными элементами политического режима, проявившими себя после прихода к власти в стране А.Г. Лукашенко. Но из перечисленных диаспор только представители польской и еврейской могли по указанной причине несколько увеличить активность оттока за пределы республики.

Между тем в течение «нулевых» заметно ускорилась количественная убыль и двух восточнославянских диаспор. Притом что местных русских и украинцев вполне устраивала социально-экономическая стабильность, обеспечиваемая политическим руководством страны. И миграция их из Беларуси была минимальной.

В расселенческом плане динамика русских была зеркально обратной той, что сложилась в советский период. Именно городские общины русских, демонстрировавшие максимальный рост, теперь убывали с опережающей скоростью (за 1989–2009 гг. число русских в Минске сократилось на 43,4 %, в остальных городах Беларуси – на 42,6 %, в сельской местности – на 33,1 %).

Речь, очевидно, идет о масштабной этнодемографической «титулизации» республиканского общества, «переходе» в белорусы значительного коли-

чества людей смешанного этнического происхождения (и соответственно сложной идентичности). Государственная политика Беларуси была куда менее этнизирована, нежели в сопредельной Украине. Тем не менее всё больше представителей биэтнического («белорусско-русского») населения предпочитало во время переписи самоопределиться белорусами.

В течение 1990-х Беларусь покинуло (чистый отток) порядка 17 тыс. русских. Естественная динамика населения республики стала отрицательной только в 1993 г., в целом за период 1989–1999 гг. естественная убыль составила 1,2 %. Учитывая сходство показателей естественного воспроизводства русского и титульного населения, потери первого из них в первое постсоветское десятилетие должны были составлять аналогичную величину, не превышая 16–17 тыс. чел. Между тем русский массив сократился в 1989–1999 гг. на 200 тыс. чел. Таким образом, ассимиляционные потери находились в пределах 110–120 тыс. чел. – до 60 % из 200-тысячной убыли русского населения. А в 2000-е гг. роль ассимиляции в демографическом сжатии русского массива стала уже абсолютно доминирующей. Миграционный отток в это время сократился до минимума и составил в 1999–2009 гг. несколько тысяч человек. Упали темпы естественной убыли русских, составившие в данный период порядка 40–50 тыс. чел. При этом численность русского населения в Беларуси сократилась на 357 тыс. чел. (порядка 300 тыс. чел., или 82–84 %, могло приходиться на ассимиляцию). Аналогичные процессы протекали и в двух других крупнейших диаспорах республики – украинской и польской. Причем темпы их этнокультурной «титулизации» были еще более высокими.

Показательно, что этническая «белорусизация» республики совмещалась с ее дальнейшей языковой (то есть, по сути, социокультурной) русификацией, еще точнее, культурно-языковым обрусением белорусов, представляющих абсолютное большинство жителей Беларуси. В последние десятилетия советского периода этот процесс был практически заморожен, а в 1990-е гг. даже повернул вспять – в период 1989–1999 гг. число белорусов, перешедших на русский язык в качестве родного, сократилось с 19,7 % до 14,3 %. Тем неожиданней был стремительный всплеск языковой русификации титульного народа в 2000-е гг. За период 2002–2009 гг. доля белорусов, считающих русский родным языком, выросла в Беларуси с 14 % до 37 %. Параллельно устремились вверх показатели языкового обрусения поляков и украинцев, не говоря о евреях, для подавляющего большинства которых русский был родным уже в 1970-е гг. (рис. 2.7).

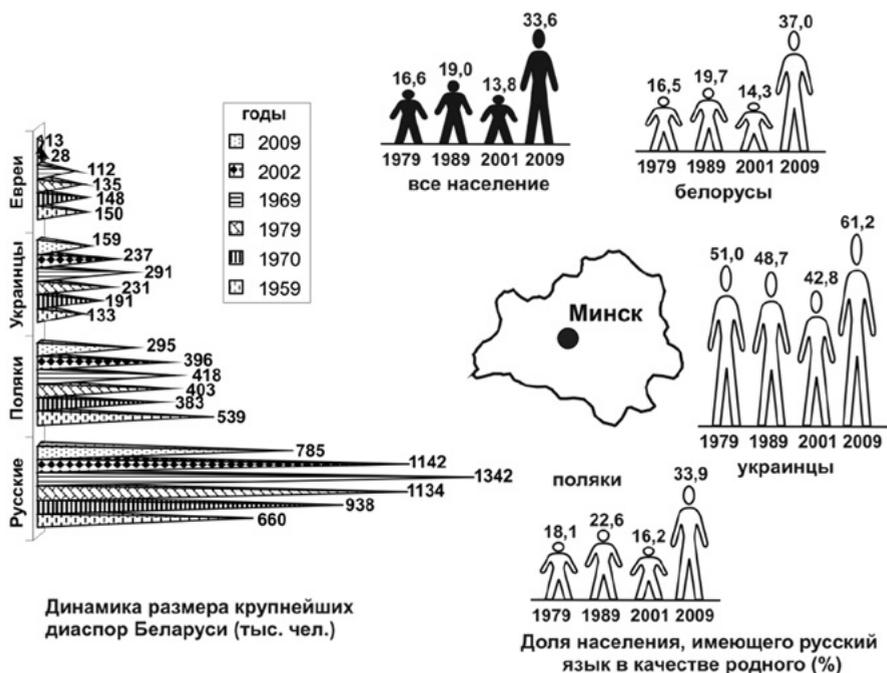

Рис. 2.7. Динамика крупнейших диаспор Беларуси (1959–2009 гг.) и уровень распространения русского языка (1979–2009 гг.)¹

Демографические перспективы русских Беларуси

Итак, культурно-языковая политика белорусского руководства была максимально «пророссийской»: почти сразу после своего прихода к власти в 1994 г. А.Г. Лукашенко инициировал референдум о придании русскому языку статуса государственного, а в 1996 г. данный статус было закреплен в Конституции Республики Беларусь. Лояльной к русскому населению была и общая государственная политика белорусских властей. А социокультурная и психоментальная близость двух народов определяла низкие уровни межнациональной напряженности в их взаимодействии.

Возникает вопрос, почему даже в столь комфортных социокультурных условиях русское население республики за 1989–2009 гг. сократилось более чем на 40 % (с 1,34 до 0,78 млн чел.)? Оценка масштабов естественной убыли

¹ Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac__39-89.php; <http://pop-stat.mashke.org/belarus-ethnic1999.htm>; <http://pop-stat.mashke.org/belarus-ethnic2009.htm>

русских и их миграционный отток обнаруживает значительно меньшие цифры. Очевидно, что, как и в соседней Украине, основные демографические потери русской общины Беларуси в 1990–2000-е гг. пришлось на ассимиляционные процессы (рис. 2.8).

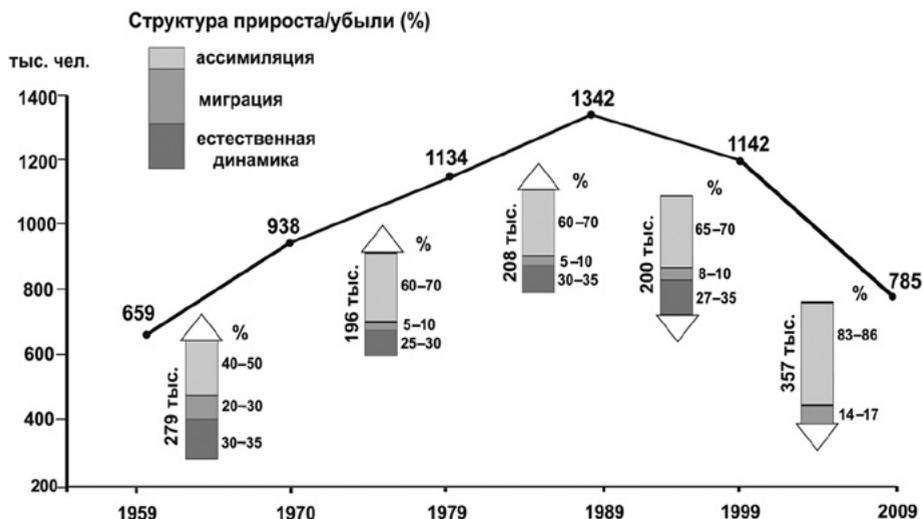

Рис. 2.8. Динамика и структура демографического роста русского населения Белоруссии, 1989–2009 гг.¹

Фактор, работавший на ускоренный демографический рост в советское время, стал причиной столь же ускоренного этнокультурного отступления русской общины после приобретения Беларусью государственной независимости. Однако требуют более детального анализа сами темпы демографического сжатия, а также вопрос, почему они оказались заметно выше, чем на Украине, власти которой проводили куда более жесткую политику комплексной этнизации в отношении своего русского населения и русско-украинских биэтнофоров.

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо хотя бы в общих чертах представить себе структуру современного русского населения Беларуси. Однако сделать это сложно, поскольку внимание исследователей русского ближнего зарубежья в последние 20–30 лет было сфокусировано на изучении русских общин в других постсоветских государствах². Внешняя «беспроblemность» русских Беларуси обернулась их недоизученностью.

¹ Расчеты автора.

² Показательно, что в работе С. Савоскула «Русские нового зарубежья: выбор судьбы» (М., 2001) – одном из наиболее комплексных исследований этнокультурной динамики русского населения стран СНГ и Балтии в 1990-е гг. – вообще нет главы, посвященной русским Беларуси.

В частности, в отличие от русско-украинских биэтнофоров Украины, нет сколько-нибудь детальной информации о размерах и динамике аналогичной биэтнической группы Беларуси. Поэтому анализ данной темы должен в значительной степени представлять авторскую экспертную оценку.

Исходя из имеющейся информации о масштабах межнациональной брачности русских, а также системного сходства этнодемографических процессов, происходивших в постсоветский период в данных двух восточнославянских странах, можно сделать несколько общих предположений.

Как уже отмечалось, опережающий количественный рост русского населения Советской Белоруссии в середине – второй половине XX в. был в значительной степени обусловлен ассимиляционной составляющей, которая на деле представляла повышенную частотность русской идентичности, выбираемой смешанным потомством межнациональных (прежде всего русско-белорусских) семей.

Характерной чертой русского населения республики являлась очень высокая доля межнациональных браков как у мужчин, так и у женщин. В конце 1970-х гг. почти $\frac{3}{4}$ русских республики выбирали себе супруга другой национальности. Спустя 10 лет данный показатель вырос еще на несколько процентов (табл. 2.6).

Таблица 2.6. Доля супругов другой национальности у вступивших в брак жителей Белоруссии, 1979–1989 гг. (%)¹

Территории	Русские		Белорусы		Украинцы	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>1979 г.</i>						
Вся республика	74,2	71,3	16,3	19,3	92,4	90,2
Город	71,5	68,1	21,9	24,7	92,9	91,1
Село	83,5	80,4	10,4	12,8	91,6	87,8
<i>1989 г.</i>						
Вся республика	74,5	73,4	20,1	21,7	93,1	89,8
Город	73,2	71,8	23,3	25,7	91,8	90,2
Село	80,2	81,0	14,0	13,7	88,8	88,3

Показательно, что в сельской местности республики доля мононациональных браков у русских была ниже, чем в городской среде. Это на первый взгляд противоречило известной социоэтнологической закономерности, согласно которой сельское население консервативней, чем городское, при выборе брачного партнера и в большей степени старается ориентироваться на представителей своей национальной группы.

¹ Рассчитано по: Население СССР. М., 1989. С. 230–231.

Но в условиях системы русского расселения в Белоруссии данная закономерность не работала. В сельской местности доля русских по отдельным областям составляла не более 2–3 %. Тем самым выбор супруга своей национальности был существенно ограничен. А с учетом этнической культурно-языковой близости белорусов, составлявших подавляющее большинство местного населения, именно они становились основными брачными партнерами сельских русских. То же самое происходило и в городской среде, с той разницей, что здесь удельный вес русского населения был в несколько раз выше. А значит, и чисто статистически процент мононациональных браков должен был быть больше.

Итак, низкая концентрация русского населения в Белоруссии при его повсеместном расселении в сочетании с фактором системной социоэтнокультурной близости к титульному народу становилась причиной предельно высокого уровня межнациональной брачности. Уже к началу 1970-х гг. более половины семейных русских могли состоять в межнациональных браках. А в дальнейшем этот показатель вырос до $\frac{3}{4}$.

Сказанное означает, что уже в 1970-е гг. у русского населения республики $\frac{2}{3}$ – $\frac{3}{4}$ детей родились в смешанных семьях. Большая часть потомства этих семей в советский период самоопределялась русскими, обеспечивая ускоренный демографический рост всего русского населения республики и параллельно увеличивая в нем долю биэтнофоров.

Эта генерация «русских» биэтнофоров, войдя во взрослую жизнь и оказавшись перед выбором брачного партнера, вновь примерно в $\frac{3}{4}$ случаев выбирала себе супруга другой национальности (опять же в своей массе именно белоруса/белоруску). То есть спустя всего два поколения среди детской генерации республиканских русских чисто математически могло оказаться не более $\frac{1}{16}$ этнически «чистых» представителей своего народа. Конечно, в действительности в силу многих социодемографических обстоятельств данный процент был выше. Но, тем не менее, сам тренд нарастающей скрытой этнической титулизации каждого нового поколения русских Белоруссии и быстрые темпы этого процесса были очевидны.

Учитывая достаточно длительный период данной русско-белорусской (и в целом межнациональной) брачной практики, насчитывавшей к концу советского периода минимум два поколения, можно предположить, что доля биэтнофоров к рубежу 1980–1990-х гг. могла достигать 50–60 % численности всех русских республики, т. е. была значительно выше, чем на Украине¹.

---

¹ В пределах УССР существовал целый ряд регионов с достаточно высокой долей русского населения, позволявшей сохранять повышенный уровень мононациональной брачности, а следовательно, ограничивавшей и темпы роста в детских генерациях доли биэтнофоров.

При этом удельное распределение их по разным возрастным группам было различным. Наиболее этнически «чистыми» были самые старшие возрастные группы русских, в которых доля биэтнофоров могла составлять $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$ от общей их численности. В средних возрастах удельный вес представителей биэтнической группы мог возрастать до половины, а в детско-юношеских генерациях составлять $\frac{2}{3}$ и более (рис. 2.9).

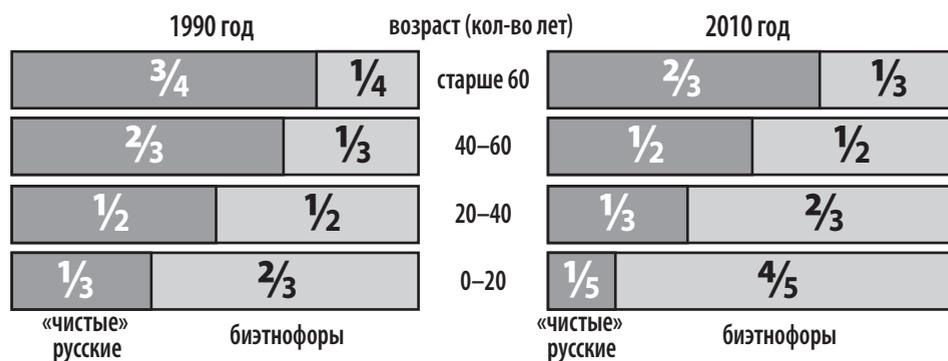

Рис. 2.9. Соотношение «чистых» русских и группы биэтнофоров в Беларуси, 1990–2010 гг.¹

Всё сказанное относится к той части биэтнического множества, представители которой в советский период самоопределялись как русские. Но существовала и вторая часть биэтнофоров, выбиравших титульную национальность. Учитывая устойчиво пониженные темпы демографического роста белорусов в республике в 1959–1989 гг.², есть все основания полагать, что одной из причин этого являлась ориентация большей части биэтнофоров на русскую самоидентичность.

И если на Украине к концу советского периода около 60 % биэтнического множества выбирало титульную национальность, то в Белоруссии данное соотношение было обратным и порядка 60 % биэтнофоров самоопределялись русскими. Если сделанные предположения в целом соответствуют действительности, то размеры биэтнической группы Белоруссии в конце 1980-х гг. могли составлять около 1,1 млн чел., из которых 650–700 тыс. имели русскую идентификацию, а 400–450 тыс. считали себя белорусами.

Распад СССР и превращение союзной республики в самостоятельное государство, как уже отмечалось, способствовало существенной удельной идентификационной перецентрировке смешанного белорусско-русского населения.

¹ Оценка автора (приведенные величины рассчитаны в самом первом приближении).

² За данный 30-летний период титульное население в республике выросло только на 21 %, тогда как численность увеличилась более чем в два раза.

Часть биэтнофоров, ранее выбиравших русскую идентичность, в новых социально-политических условиях стала самоопределяться белорусами. Однако невысокая степень политизации «национального» вопроса в Беларуси определяла достаточно ограниченные масштабы таких идентификационных переходов из русских в белорусы у населения среднего и старшего возраста. И общая удельная перецентрировка двух групп биэтнического множества республики происходила прежде всего в результате белорусского национального самоопределения молодежи смешанного (русско-белорусского) происхождения.

Напомним, что уже в конце советского периода в младших возрастных группах русского населения биэтнофоры могли составлять до 70 % и более. Через поколение (рубеж 2010-х гг.) данный показатель мог подняться уже до 80–90 %. При этом, в отличие от советского времени, значительное большинство младших биэтнофоров «уходило» теперь в белорусскую идентичность. В результате данного процесса происходит существенная деформация возрастной структуры русского населения, быстрый рост доли пожилых и старых людей. Возрастные группы младше трудоспособного населения в конце 2000-х гг. составляли у русских только 7,3 % от общей их численности, тогда как доля людей старших возрастов приближалась к трети (табл. 2.7).

Таблица 2.7. Динамика возрастной структуры трех ведущих национальных групп населения Беларуси, 1989–2009 гг. (%)

Возраст	Русские		Белорусы		Украинцы	
	1989 г.	2009 г.	1989 г.	2009 г.	1989 г.	2009 г.
Моложе трудоспособного	15,2	7,4	22,7	17,2	9,7	3,8
Трудоспособный	63,4	59,8	56,2	61,8	66,0	60,9
Старше трудоспособного	21,4	32,8	21,1	21,0	24,3	35,4

Расчеты показывают, что из 785 тыс. русских, зафиксированных переписью 2009 г., до 500 тыс. могло приходиться на этнически «чистую» группу, порядка 300 тыс. – на смешанное население, представленное прежде всего русско-белорусскими биэтнофорами. При этом общая численность русско-белорусского биэтнического множества, включающая самоопределившихся белорусами, могла к этому времени вырасти в Беларуси до 1,3–1,35 млн чел. (т.е. титульную идентичность имело уже порядка 80 % этого множества).

Существует ли некий порог, по достижению которого русская община перестанет демографически сжиматься? И на каком количественном уровне этот порог может располагаться? Какие факторы ускоряют сокращение русского населения Беларуси, а какие тормозят его? Как и в случае с Украиной,

едва ли на эти вопросы можно дать точные ответы. Однако композиция основных факторов, влияющих на количественную динамику русских, просматривается вполне отчетливо.

Вся совокупность этнодемографических и миграционных процессов в настоящее время направлена на дальнейшее сокращение русского населения страны. Естественная убыль, темпы которой снизились в 2000-е гг., в середине 2010-х гг. вновь увеличилась после входа в активный репродуктивный возраст малочисленной генерации первого постсоветского десятилетия. В последние годы убыль могла составлять уже 5–6 ‰ и, безусловно, продолжит расти в будущем. В текущем десятилетии естественные потери русского населения страны могут составить 3,5–5 ‰ (порядка 27–40 тыс. чел.). Миграционный отток, скорее всего, ограничится минимальными показателями и едва ли в 2010-е гг. превысит несколько тысяч человек. Основные демографические потери русского населения Беларуси, как и раньше, будут связаны с поступательно нарастающей его титулизацией.

Конечно, имеются и факторы, работающие на устойчивое сохранение русской идентификации частью биэтнофоров. В отличие от Украины, быть русским в современной Беларуси вполне комфортно, не сопряжено с какими-либо социально-статусными, профессиональными, этнокультурными и культурно-языковыми рисками. Поэтому отсутствует (или сведена к минимуму) необходимость в этнической маскировке. И хотя непосредственно в пределах самой Беларуси условный системный статус титульной нации может быть несколько выше, нежели русских, в идентификации последних может играть заметную роль фактор принадлежности к одному из крупнейших народов человечества, весомо представленному не только в мировой политике, но и в науке, культуре, спорте.

Наконец, серьезным фактором поддержки русского этнокультурного присутствия в стране является высокий уровень культурно-языкового обрусения значительной части ее населения. Доля населения, считающего русский язык родным, превышает 40 ‰ и почти в 5 раз превосходит удельный вес населения, самоопределившегося русскими. Таким образом, перешло на русский язык не только биэтническое множество или представители украинской, еврейской и ряда других крупных диаспор, но и более четверти самих белорусов. Однако данные по распространению русского языка в семейном обиходе указывают на то, что фактически родным он является уже более чем для 60 ‰ представителей титульной национальности и 70 ‰ всего населения страны (рис. 2.10), причем без серьезных территориальных различий как в восточных, так и в западных регионах. Это дает основания полагать, что в социокультурном плане вся Беларусь в настоящее время является органической частью русского цивилизационного ареала.

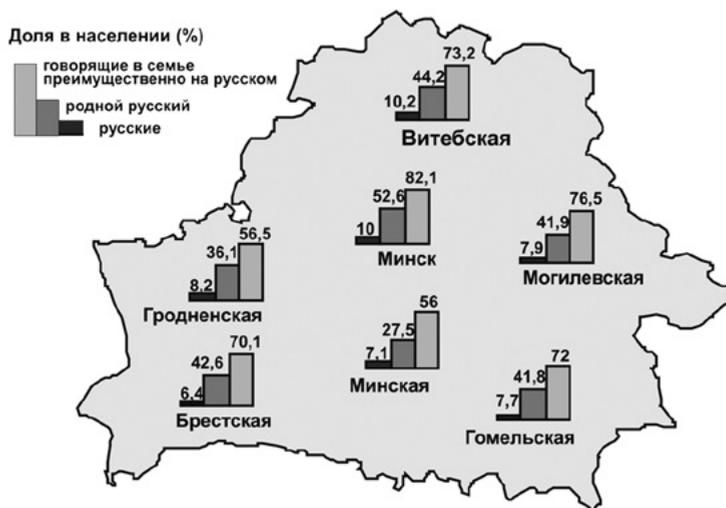

Рис. 2.10. Уровень языкового обрусения населения современной Беларуси

Резкое осложнение российско-украинских отношений в середине 2010-х гг., затяжной военный конфликт на востоке Украины, имеющих в том числе и достаточно отчетливую социоэтнокультурную составляющую, сыграл свою роль в деятельности белорусских властей, в последние годы начавших корректировать свой курс в области культурно-языковой (и в целом национальной) политики. Обобщая, можно говорить о наметившемся политическом сдерживании русской социокультурной «экспансии». Данный курс, очевидно, будет продолжен, что может иметь определенные этнокультурные последствия. Но несомненно и то, что процесс аккультурации (культурно-языкового обрусения) населения Беларуси зашел так далеко, что остановить его, тем более повернуть вспять, будет крайне сложно.

Однако социальная динамика, представляющая собой сочетание множества сопряженных процессов, может иметь почти парадоксальную результирующую. Системная близость русских и белорусов, существенно облегчающая процесс этнической ассимиляции меньшинства титульным большинством, в перспективе ряда десятилетий представляется куда более сильным фактором, чем культурно-языковая общность двух народов.

С этой стороны ничто не мешает поступательно нарастающей, почти полной белорусизации местных русских. Тем более что речь идет не о «прямолинейной» смене идентификации, но о непрерывном количественном росте смешанного населения. К 2030 г. в возрастной группе до 20 лет «чистых» русских может быть в 9–10 раз меньше, чем представителей биэтнического множества, самая значительная (если не подавляющая) часть которого бу-

дет этнически самоопределяться белорусами. И не только в силу системной предпочтительности титульной национальности, но и вследствие всё более внушительной доли белорусской этнической составляющей у большинства биэтнофоров. На смену имеющим по $\frac{1}{2}$ от каждой из двух национальностей приходят русские «на четверть», которым уже гораздо легче определиться с выбором своей идентичности. Не говоря о тех, в ком русская составляющая еще меньше. Учитывая короткую генеалогическую память восточных славян, на уровне третьего поколения о наличии $\frac{1}{8}$ другой «крови», как правило, забывается (особенно если речь идет о столь родственных национальностях).

Между тем к середине XXI в. доля русской молодежи, не имеющей белорусской этнической составляющей, может стать в Беларуси уже исчезающе малой (рис. 2.11).

2030 год		возраст (кол-во лет)	2050 год	
$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$		$\frac{1}{3}$	$\frac{2}{3}$
$\frac{1}{3}$	$\frac{2}{3}$	старше 60	$\frac{1}{5}$	$\frac{4}{5}$
$\frac{1}{5}$	$\frac{4}{5}$	40–60	$\frac{1}{10}$	$\frac{9}{10}$
$\frac{1}{10}$	$\frac{9}{10}$	20–40	$\frac{1}{15}$	$\frac{14}{15}$
«чистые» русские	биэтнофоры	0–20	«чистые» русские	биэтнофоры

Рис. 2.11. Соотношение «чистых» русских и группы биэтнофоров в Беларуси, 2030–2050 гг.¹

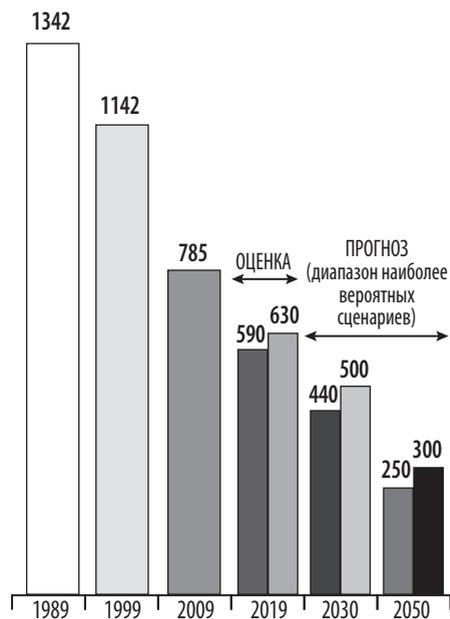
Демографическое сжатие русских будет ускоряться за счет нарастающей деформации возрастной структуры и ухудшения воспроизводственных характеристик общины, до половины которой уже в среднесрочной перспективе (в 2030–2035 гг.) может быть представлена пожилыми и старыми людьми. Это самым существенным образом увеличит масштабы естественной убыли русских. Следует учесть и то, что именно старшие возрастные группы концентрируют максимальную долю этнически чистого русского населения. Уход их из жизни в течение ближайших десятилетий существенно сократит этнокультурное ядро русской общины и повысит долю биэтнофоров, даже с учетом того обстоятельства, что русскую идентичность будет выбирать всё меньший процент биэтнического населения страны.

Всё указывает на возможность сохранения алгоритма демографического сжатия русского населения Беларуси в пределах 20–25 % в течение каждого следующего десятилетия (причем данный количественный уровень скорее является нижней планкой возможных потерь). Если данное предположение

¹ Оценка автора (приведенные величины рассчитаны в самом первом приближении).

верно, белорусская перепись 2019 г. может зафиксировать в стране порядка 590–630 тыс. русских, а в конце 2020-х гг. – в пределах 440–500 тысяч. К середине XXI в. численность русских в Беларуси может опуститься до 250–300 тыс. чел. (рис. 2.12).

Однако не исключен сценарий и куда более стремительного демографического сжатия. Даже самый простой прогноз, не учитывающий дальнейшую работу ассимиляции и других факторов, рисует весьма пессимистическую демографическую перспективу русских к середине столетия. Спустя 40–45 лет, когда в разряд пенсионеров начнут переходить «ювенальные» поколения русских Беларуси конца 2000-х гг., их число будет в разы меньше, чем количество нынешних русских пенсионеров.

Рис. 2.12. Динамика численности русских в Беларуси, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)¹

Действительно, в 2009 г. в стране было 58 тыс. русских моложе трудоспособного возраста (0–15 лет) и более 257 тыс. уже вышедших из этого возраста (т.е. мужчин старше 59 лет и женщин старше 54 лет). Средняя продолжительность жизни населения Беларуси в это время составляла для мужчин 64,6, для женщин – 76,5 года. Иными словами, после выхода на пенсию женщины в 2010 г. в среднем жили 22,5, мужчины – 5,6 года. Усредненное значение по обоим полам равнялось 14 годам, т.е. было только на два года короче продолжительности отрезка жизни от рождения до вступления в трудоспособный возраст. С поправкой на эти два года генерация русских пенсионеров в стране была в 3,9 раза больше детско-юношеского поколения.

С учетом того, что и все будущие младшие поколения русских, которые появятся в стране до середины XXI в., будут количественно сопоставимы с нынешней (если не меньше ее), общая численность русских может сократиться за 2009–2050 гг. почти в четыре раза. Из этого, повторимся, весьма огрубленного расчета выходит, что в 2050 г. число русских в Беларуси может составить порядка 190–200 тыс. чел.

¹ Оценка и прогноз автора.

Не менее существенно то, что речь будет идти о демографическом множестве, медианный возраст представителей которого может составлять 55–60 лет. Следовательно, почти полное демографическое угасание русской общины станет неизбежной перспективой небольшого ряда десятилетий.

Трудно представить себе Беларусь полностью лишенной русского населения. При существовании хотя бы формальных элементов союзного государства и общей системной дружественности двух народов этнокультурный обмен между двумя странами будет продолжен, и некоторый приток русских в Беларусь позволит даже в самой долгосрочной перспективе сохранить некий минимум русского этнического присутствия в стране. Однако предсказать, на каком демографическом уровне он будет располагаться, в настоящее время невозможно (можно только предположить, что едва ли он будет превышать несколько десятков тысяч человек).

2.2

РУССКИЕ МОЛДАВИИ

Имперский период

В состав Российской империи Бессарабия вошла в начале XIX в. Но небольшие группы русских старообрядцев начали селиться в ее пределах на столетие раньше. Однако десятки, максимум сотни человек оставались небольшими сообществами, незаметными в жизни местного населения¹. Далеко не сразу отразилось на масштабах русского присутствия в регионе включение его после войны 1812 г. в государственные пределы России. На протяжении довольно долгого времени русские в Бессарабии по-прежнему весьма малочисленны, если не считать армейских контингентов. Новая имперская провинция граничила сразу с двумя крупными державами – Османской империей и Австро-Венгрией, первая из которых уже более века была одним из наиболее серьезных геополитических соперников России. Не удивительно, что в пределах Бессарабии были сосредоточены

¹ В частности, в с. Кунич на берегу Днестра, куда старообрядцы переехали из России еще во времена Петра I. См.: URL: https://www.1tv.ru/news/2008/05/03/188626-obitateli_sela_staroverov_v_moldavii_zhivut_tochno_tak_zhe_kak_ih_predki_v_xviii_veke

крупные воинские подразделения. Немалая часть офицеров размещалась в Кишиневе, который, как известно, являлся центром одного из тайных обществ, существовавшего на протяжении многих лет (1818–1825 гг.) вплоть до самого выступления декабристов.

В столице региона была в основном сосредоточена и имперская бюрократия – вторая по численности после военных социальная группа населения, включавшая значительную долю русских. Но в целом, повторимся, русские в Бессарабии редкость не только в первых десятилетиях, но и в середине XIX в. Даже в 1858 г. их, согласно В.М. Кабузану, всего 12 тыс. чел. (1,5 % местного населения). Однако надо учесть, что данная цифра относится только к территориям, впоследствии составившим советскую послевоенную Молдавию. Иными словами, в это число не вошло более многочисленное русское население, сосредоточенное в причерноморских уездах Бессарабии, в советский период оказавшихся в составе Одесской области УССР.

Быстрый рост русских начинается только в пореформенные десятилетия. К концу века их численность в Бессарабской губернии увеличивается в несколько раз и превышает 155 тыс. чел.¹ Естественный прирост за это время мог составить не более 20–30 тыс. чел., и центральную роль в столь стремительном расширении русского этнического присутствия играла миграция. Как и в других национальных регионах империи, она была преимущественно ориентирована на города. Уже в середине XIX в. более 28 % русских Бессарабии проживало в Кишиневе. В конце века на административный центр губернии приходится почти $\frac{1}{5}$ русских, а общий уровень их урбанизации составляет 46 %, почти в три раза выше, чем во всей империи.

Впрочем, данный показатель колебался в весьма широких границах и в пределах самой Бессарабской губернии. Если в столичном Кишиневском уезде горожанами являлось 88 % местных русских, то в большинстве других уездов уровень урбанизации русского населения не превышал 20–23 % (рис. 2.13).

Гендерное соотношение в среде местных русских в конце века было достаточно сбалансированным в целом по губернии (115 мужчин на 100 женщин), и по всем ее уездам, указывая на достаточно высокий уровень укорененности. И хотя основными средоточиями русского населения являлись только три городских центра – Кишинёв, Измаил и Бендеры (на них приходилось в сумме 38,5 % русских региона), русские были уже расселены по всей губернии, хотя только в двух из восьми уездов их доля в населении превышала 10 %.

---

¹ В пределах будущей Молдавской ССР их в 1897 г. несколько меньше – 91 тыс. чел.

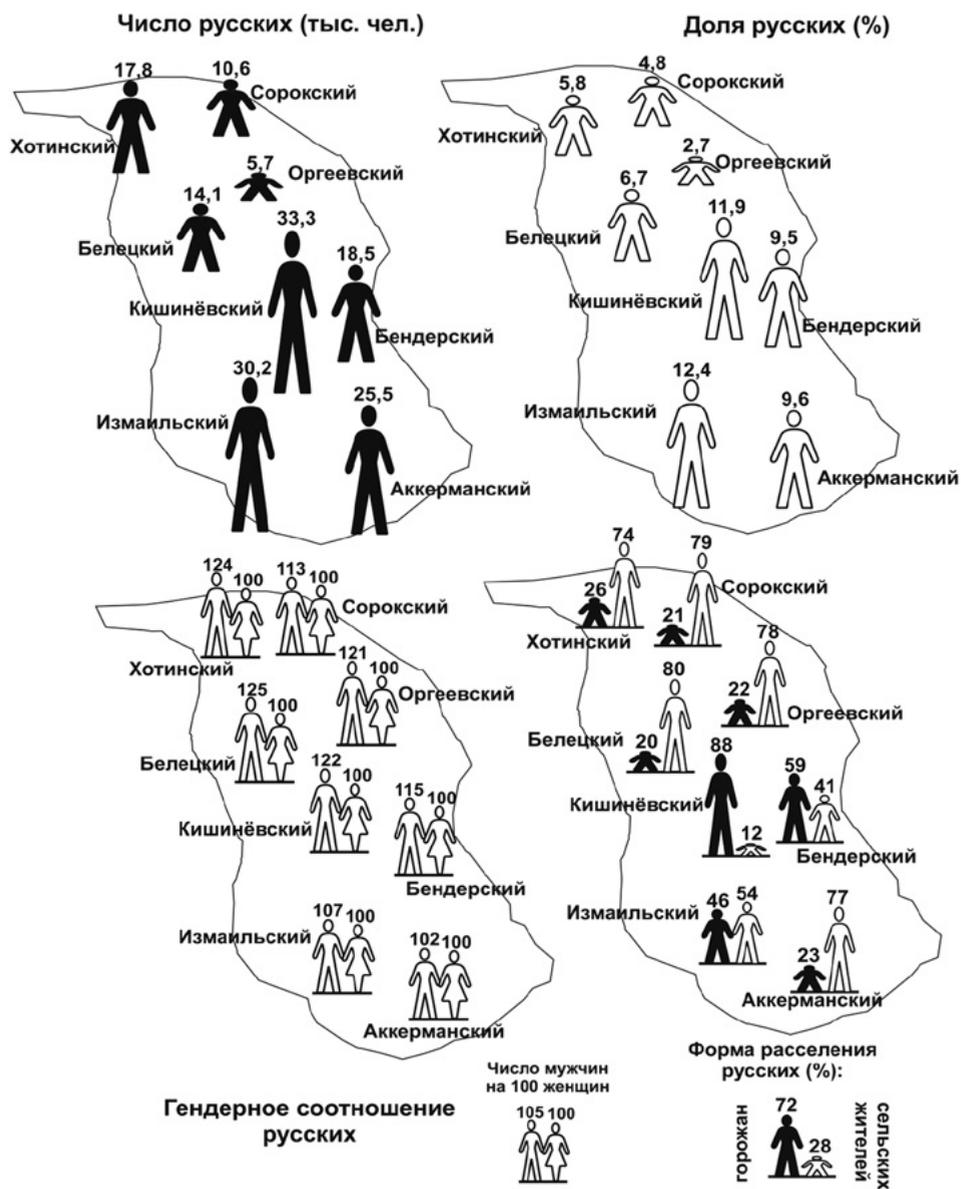

Рис. 2.13. Социодемографические и расселенческие характеристики русского населения по уездам Бессарабской губернии, 1897 г.¹

Быстрый рост русского населения продолжился в начале XX в., но уже преимущественно за счет естественной динамики. Среднегодовой показа-

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=56

тель естественного прироста у русского народа в это время в среднегодовом исчислении составлял 1,6–1,7 %. При таком показателе не стоит удивляться стремительному расширению русского этнического присутствия во многих национальных регионах империи, даже если масштабы миграционного притока в них существенно сокращались. Бессарабия была в их числе – за 1897–1916 гг. ее русское население выросло почти в 1,5 раза.

1920–1980-е гг.

После революции 1917 г. самая значительная часть Бессарабской губернии отошла к Румынии. Однако число русских на данных территориях не только не сократилось, но даже несколько возросло. Сохраняла свою устойчивость местная русская община и в дальнейшем. По румынской переписи 1930 г., только в пределах днестровского правобережья русских проживало более 180 тыс. чел. К 1940 г., когда данные территории были возвращены в состав СССР, их численность возросла до 197 тыс. чел. – свидетельство устойчивого естественного прироста общины, составлявшего на протяжении 1930-х гг. около 1 % в год.

Порядка 36 тыс. русских в середине – второй половине 1920-х гг. было расселено в районах днестровского левобережья, оставшегося в составе СССР (эти территории в 1920–1930-е гг. в качестве Молдавской АССР входили в состав Советской Украины).

Основным центром русского присутствия в румынской части молдавского этнокультурного ареала оставался Кишинёв, русская община которого в 1930 г. насчитывала 25 тыс. чел. (более 22 % жителей города). В днестровском (советском) левобережье выделялся Тирасполь (14,7 тыс. русских по переписи 1939 г.). К этому времени общая численность русских в Молдавской АССР выросла до 61,3 тыс. чел.

В 1940 г. возвращенные в Советский Союз районы днестровского правобережья и МАССР объединяются в составе самостоятельной Молдавской ССР. Численность русских в новой республике накануне войны составляла порядка 258 тыс. чел.

Военный период обошелся населению Молдавии в несколько сотен тысяч человеческих жизней. Только от голода и болезней за первые два года оккупации в республике погибло около 200 тыс. чел.¹ Самыми значительными

¹ История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002. С. 234–238.

были потери на фронтах. Высокая сверхсмертность была характерна и для населения, эвакуированного в восточные регионы СССР, не говоря уже о репрессированных советской властью и угнанных на работу в Германию. Численность русских в республике могла сократиться к середине 1940-х гг. минимум на 15–20 %.

Но уже с первых послевоенных лет начался период устойчивого количественного роста русской общины, растянувшийся почти на полвека. В 1959 г. в Молдавии проживало более 290 тыс. русских, почти четверть которых приходилась на Кишинёв, столичная русская община которого по своему размеру сравнивалась с титульным населением.

Все три фактора демографической динамики в послевоенные десятилетия работают на количественный рост русского населения в республике. К значительному (более 1 % в год) естественному приросту в 1950–1960-е гг. присоединяется масштабная трудовая миграция и ассимиляционный процесс (обрусение), масштабы которого, впрочем, были невелики. И ведущая роль в росте этнического присутствия в Молдавии долгое время принадлежала миграционному притоку, благодаря которому русская община на протяжении ряда десятилетий являлась самым быстрорастущим национальным сообществом республики. В 1960-х гг. ее размеры выросли более чем на 40 %, при том что естественный прирост в этот период не превышал 11–12 %¹ (табл. 2.8).

Поток трудовых мигрантов в первую очередь ориентировался на быстро растущие индустриальные центры республики. И если

Таблица 2.8. Демографическая динамика крупнейших (более 50 тыс. чел.) национальных сообществ Молдавии, 1959–1989 гг.²

Рост/убыль, %	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.
40–45	русские		
35–40			
30–35	гагаузы		
25–30			
20–25	молдаване украинцы	русские	
15–20	болгары		
10–15		гагаузы украинцы	гагаузы, русские молдаване
5–10		молдаване болгары	болгары украинцы
0–5	евреи		
–(15–20)		евреи	евреи

¹ В пределах всего СССР данный показатель у русских составил в этом десятилетии около 9,3–9,5 %. Но в Молдавии, учитывая возрастную структуру местных русских, он был несколько выше.

² Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=9; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_70.php?reg=9; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_79.php?reg=9; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=9

в Кишиневе число русских в 1960-е гг. выросло на 55,7%¹, то русские общины остальных городских центров увеличились на 68 %, прежде всего за счет Рыбницы, Тирасполя и других промышленных городов.

В целом численность русских горожан в Молдавии за 1959–1970 гг. увеличивается со 195 тыс. до 319 тыс. чел. Совсем иной была количественная динамика русских поселян, число которых начинает сокращаться. И хотя прямые демографические потери были незначительны (всего 3 тыс. чел.), можно говорить о весьма существенном миграционном оттоке русских из сельской местности (порядка 14–15 тыс. чел.), который «съел» весь их естественный прирост (рис. 2.14).

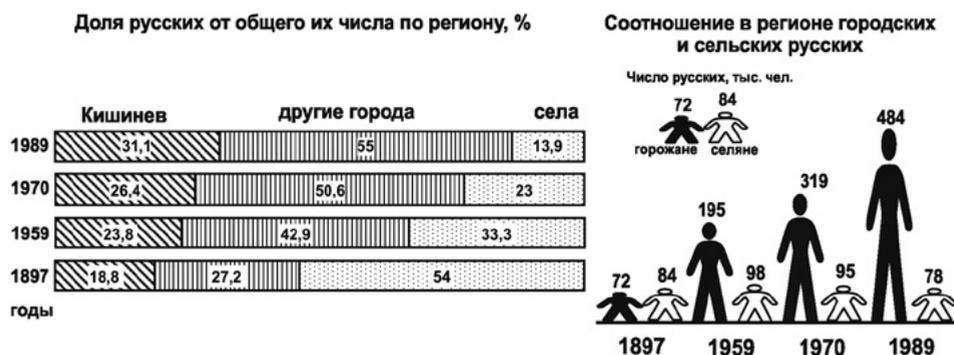

Рис. 2.14. Пространственно-расселенческая структура русских Молдавии, 1897–1989 гг.²

Значительная часть этой миграции также направлялась в республиканские города, на новые стройки и уже существующие предприятия. Но очевидно и то, что данное количественное сокращение русских в сельской местности республики являлось не только следствием процесса урбанизации, в которую постепенно втянулись местные поселяне всех национальностей. Таким образом проявлял себя и новый геодемографический тренд, связанный с постепенным этнокультурным отступлением русских, начавшимся с сельских территорий республики.

¹ Но характерно, что даже столь значительный рост не позволил им сохранить количественный паритет с молдаванами, приступившими в этот период к активному социально-экономическому (а значит, и демографическому) освоению собственной городской системы, и прежде всего столичного центра.

² Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=56; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=9; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=

В 1970-е гг. русское население Молдавии всё еще количественно растет быстрее других крупных национальных групп республик. Но этот рост уже не столь значителен, как раньше. Он по-прежнему в первую очередь обеспечивается миграцией, которая всё также ориентирована на городскую систему – как на столицу, так и другие крупные города. За период 1970–1979 гг. численность русских в Кишиневе вырастает на 37,6 % и к рубежу 1970–1980-х гг. превышает 150 тыс. чел. Русские общины других республиканских городов прибавляют в размерах только на 28 %. Период быстрого промышленного роста подходит к концу (не только в Молдавии, но и во всем СССР). Лидерами урбанизации становятся крупные социокультурные центры, притягивающие новых переселенцев активнее, чем новые индустриальные города.

Еще отчетливой обозначается и депопуляция русских поселян республики, связанная, как и в предыдущем десятилетии, с миграционным оттоком. Их численность сокращается на 8 тыс. чел., а с учетом естественного прироста миграционные потери составили за десятилетия около 13–15 тыс. чел. (1/6 от общей их численности).

Как и в 1960-е гг., демографический рост русского населения республики обеспечивается не только естественным и механическим факторами, но и ассимиляцией, роль которой в количественной динамике русской общины растет в силу высокой межнациональной брачности ее представителей (рис. 2.15).

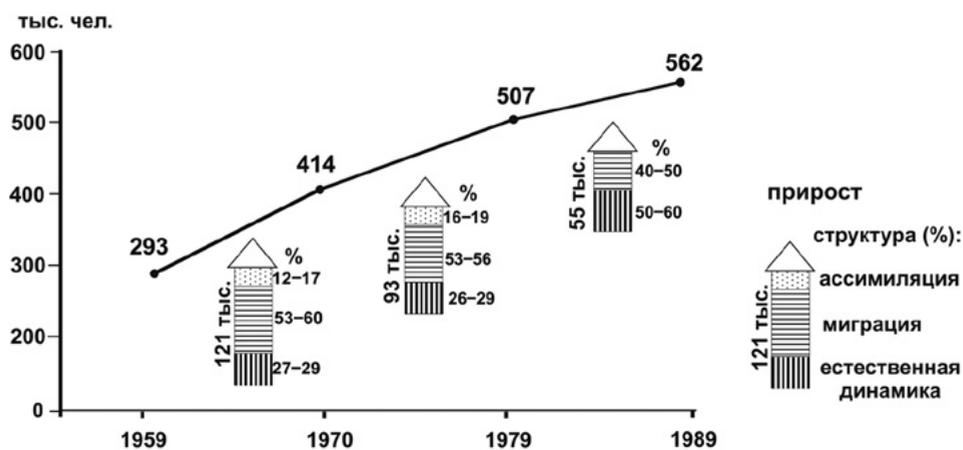

Рис. 2.15. Количественный рост русского населения Молдавии и его структура, 1959–1989 гг.¹

¹ Расчеты автора.

Уже в начале 1970-х гг. половина браков, заключаемых русскими Молдавии, были национально смешанными, а к концу советского периода этот показатель превысил 60 %. В сельской местности, в которой русские составляли всего несколько процентов населения и выбор брачных партнеров своей национальности был существенно ограничен, доля межнациональных браков и у мужчин, и у женщин приближалась уже к $\frac{3}{4}$ (табл. 2.9).

Таблица 2.9. Доля русских Молдавии, вступивших в межнациональный брак в 1978 и 1988 гг. (%)¹

Годы	Всего		Город		Сельская местность	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1979	60	57,2	56,4	52,8	74,1	73,5
1989	62	60	59,6	57	76	76,3

Но почти $\frac{2}{3}$ смешанного потомства таких браков самоопределялось русскими. Даже в семьях, созданных русскими с титульными молдаванами, русская самоидентичность детей количественно перевешивала (что было совсем нехарактерно для союзных республик, в подавляющем большинстве которых у общего потомства русско-белорусских семей доминировала вторая идентификационная составляющая)² (табл. 2.10). Таким образом, русское население республики обеспечивало свой количественный рост в том числе за счет расширения в своем составе доли биэтнофоров, людей смешанного происхождения с русской идентичностью. И доля этой группы в структуре республиканской русской общины в последние десятилетия советского периода должна была расти опережающими темпами (по аналогии с русским населением Белоруссии).

Таблица 2.10. Выбор национальности детьми в национально смешанных семьях русского населения Молдавии³

Все смешанные семьи			Русско-белорусские семьи		
Русские	Другая	Разная (в случае 2 и более детей)	Русские	Титульная	Разная (в случае 2 и более детей)
64,1	32,0	3,3	54,0	42,3	3,7

¹ Население СССР. С. 282–283.

² Русские. Этносоциологические очерки. М., 2011. С. 213.

³ Составлено по: Русские. Этносоциологические очерки. С. 214.

Комплекс описанных выше геодемографических процессов почти в полном составе перешел из 1970-х гг. в последнее советское десятилетие. Еще более сокращается миграционный приток русских в республику. Общая их численность в 1980-е гг. выросла в Молдавии на 11 %, из которых 5,5–6,5 % пришлось на естественный прирост, который мог сравняться или даже несколько превзойти миграцию¹. Как и ранее, русские мигранты из других регионов СССР в своем большинстве селились в Кишинёве и в других крупных городах республики. В города перебиралось и сельское русское население самой Молдавии, третье десятилетие подряд имея отрицательное миграционное сальдо в размере 13–15 тыс. чел. и сократившись в абсолютных размерах на 9 тыс. чел.

Таким образом, продолжился неуклонный рост уровня урбанизации русской общины республики, прибавивший за 1959–1989 гг. около 20 пунктов (рост с 66,5 до 86 %) (табл. 2.11).

Таблица 2.11. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Молдавии, 1959–1989 гг. (тыс. чел, %)²

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских (%)			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1959	292,3	195,2	97,8	66,5	10,2	30,4	4,4	79	77	84
1970	414,4	319,2	95,2	77,0	11,6	28,2	3,9	82	82	82
1979	505,7	418,7	87,8	81,2	12,8	27,3	3,6	83	83	84
1989	562,1	483,7	78,3	86,1	13,0	23,9	3,4	86	85	83

¹ Как результат столь существенного сокращения темпов демографического роста – русские уступили позицию наиболее динамично растущего народа республики гагаузам. Впрочем, у четырех ведущих национальных сообществ Молдавии (молдаване, гагаузы, русские, болгары) данный показатель в 1980-е гг. оказался очень сближенным, уложившись в диапазон 9,5–11 %; чуть меньшим (7,5 %) он был у республиканских украинцев.

² Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=56

В конце 1980-х гг. русские составляли 13 % населения Молдавии и почти четверть ее горожан. Всё указывало на завершение полувекового периода опережающего демографического роста русского этнического присутствия. Поступательный характер данного процесса предполагал постепенный переход его к стадии динамического равновесия, способного занять минимум 10–15 лет, на протяжении которых численность русских в республике могла стабилизироваться на достигнутом количественном уровне. Но этнодемографическая динамика многосоставного общества самым непосредственным образом зависит от социально-политических процессов, тем более глубоких трансформаций. Рубеж 1980–1990-х гг. стал переломным для русской общины Молдавии.

Постсоветский период

Постсоветский период начался с серьезного этнополитического кризиса независимой Молдовы, политический курс которой, как и многих других стран ближнего зарубежья, изначально содержал существенные элементы этноцентризма. В случае многосоставных обществ такая политика была губительной по отношению к самим «начинающим» государствам, поскольку центробежный алгоритм разделения переносился с внешнего союзного уровня во внутреннюю общественно-политическую жизнь.

В отличие от Грузии или Азербайджана, Молдавская ССР не имела в своем составе административно выделенных национальных автономий, но в полной мере являлась сложноструктурированным образованием с наличием регионов, обладающих отчетливой этнодемографической и социокультурной спецификой. В первую очередь речь идет о днестровском левобережье – узкой полосе протяженностью почти в 500 км, отделенной Днестром от основной территории Молдавии. В межвоенный период левобережье, как уже отмечалось, относилось к Молдавской АССР в составе союзной Украины и получило определенный опыт существования в качестве самостоятельного территориального образования. Но более значимым фактором являлся национальный состав данного сообщества, в пределах которого представители титульной национальности находились в количественном меньшинстве (порядка 34–35 % населения) и была высока концентрация русских, сосредоточенных в ряде городских центров.

Существенную роль сыграло и наличие крупной водной артерии, серьезно затруднившей действия правительственных войск против сепаратистов и ставшей естественной границей «государственного» размежевания Молдовы и левобережных районов. Наконец, значимым был и военно-стратегический фактор: дислокация на левобережье частей российской 14-й Гвардейской общевойсковой армии, сумевшей остановить вооруженный конфликт между центральной властью и повстанцами (по сути, позволив последним выстоять в неравной борьбе с правительственными воинскими подразделениями).

Как результат, левобережные районы оказались в состоянии после периода военного противостояния создать независимый социум – непризнанную, пророссийски ориентированную Приднестровскую Молдавскую Республику. Этнодемографическая эволюция Молдовы и Приднестровья имела существенную специфику, которая иллюстрируется в том числе и количественной динамикой русского населения. Этнизация органов государственного управления Молдовы, а также всех значимых социальных иерархий; деиндустриализация, оставившая без работы значительную часть русских, сосредоточенных в сфере промышленного производства; статусный переход из положения «государственного» народа в диаспору стали причинами интенсивного миграционного русского оттока, пик которого пришелся на первую половину – середину 1990-х гг. Только по официальным (далеко не полным) данным Госкомстата РФ, в 1992–2001 гг. Молдову покинуло 52 тыс. чел. русских.

К этим потерям присоединилась естественная убыль, возникшая в начале 1990-х и уже ко второй половине этого десятилетия достигшая значительного уровня (порядка 5–7 % в среднегодовом исчислении). Фактором депопуляции становится и третий элемент демографической динамики – ассимиляционный процесс, долгое время работавший на увеличение численности русских в республике.

В новых социально-политических условиях он начинает работать в обратном направлении. И сразу же становится основным фактором демографического сжатия русской общины. Уже в первое постсоветское десятилетие на него приходится более половины всех количественных потерь русских Молдовы (без учета Приднестровской Республики). Что не удивительно, учитывая самую значительную долю биэтнофоров в составе русского населения страны.

Напомним, что на протяжении последних десятилетий советского периода доля межнациональных браков у русского населения Молдавии составляла 50–60 %. К началу 1990-х гг. все молодые поколения русского населения страны могли на $\frac{1}{2}$ – $\frac{2}{3}$ (и более) состоять из людей смешанного национального

происхождения. В постсоветский период их доля продолжала возрастать, как и доля межнациональных браков у представителей русской общины (к 2009 г. она выросла до $\frac{3}{4}$). Уже во второй половине 1990-х гг. у русских женщин в Молдавии 7 из 10 детей рождались от отца другой национальности¹.

Л.В. Остапенко и И.А. Субботина объясняют данную ситуацию масштабным оттоком русских (причем как раз молодого и среднего возраста), резко сузившим возможности выбора брачного партнера из представителей своей национальности уже не только в сельской местности, но и в городах². Однако число русских в Молдавии, несмотря на миграцию, остается в разы (если не на порядок) больше, чем у ряда национальных общин, демонстрировавших куда более высокий уровень эндогамии. Очевидно, помимо фактора миграции существенную роль играла брачная «открытость» русского населения, связанная в том числе и с высоким уровнем его социокультурной модернизации.

Основное число межнациональных браков заключалось русскими с молдаванами и украинцами, первым и вторым по численности народами Молдавии. И если в советское время смешанное потомство русско-молдавских семей распределялось между национальностями родителей примерно в равной степени (с некоторым удельным перевесом русской), а в русско-украинских семьях чаще выбирало русскую национальность, то в постсоветский период в браках с представителями титульного народа молдавская этническая идентичность детьми выбиралась в 1,5–2 раза чаще, чем русская³. А исходя из количественной динамики русских и украинцев Молдовы в постсоветский период можно предположить, что в их брачном взаимодействии потомство распределялось по национальностям родителей на паритетной основе.

Общей результирующей перечисленных процессов стало сокращение численности русских на территории Молдовы (без учета Приднестровья) за период 1989–2004 гг. с 351 до 201 тыс. чел., то есть почти на 43 %, из которых естественная убыль составляла не более 6–8 %. Таким образом, основная масса потерь пришлась на миграционный отток и ассимиляцию представителей многочисленного русско-молдавского биэтнического множества, которые в постсоветской Молдове изменили свою самоидентификацию с русской на титульную.

¹ Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдове: демографические и социальные трансформации. С. 131.

² Там же.

³ Там же.

Отсутствие полных данных о масштабах оттока не позволяет вычлнить из общих демографических потерь ассимиляционную составляющую. Однако ее общую величину можно установить, сравнив количественную динамику русского населения Молдовы и Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Поскольку показатели естественной убыли в обоих социумах были сопоставимы, в целом могли быть сближены и удельные показатели оттока.

Конечно, этнизация социальной жизни Молдовы активизировала миграцию русских в большей мере, чем из пророссийской ПМР. Однако социально-экономическое положение непризнанной республики оставалось значительно более тяжелым, чем в Молдове. А неопределенный политический статус Приднестровья на протяжении всего постсоветского периода существенным образом осложнял доступ местного населения ко многим значимым социальным возможностям, дополнительно стимулируя его отток. Есть все основания полагать, что миграция русских из ПМР в процентном отношении была как минимум никак не меньше, чем из Молдовы. При этом, однако, в Приднестровье практически отсутствовала ассимиляция местного русского населения и его смешанной части, поскольку переходить в молдаван никаких практических резонов не было.

Тем показательней, что за период 1989–2004 гг. количество русских в ПМР сократилось только на 20 % (с 211 до 169 тыс. чел.), то есть их удельные демографические потери оказались в два раза меньше, чем в Молдове. И в самом первом приближении данную разницу в темпах убыли можно отнести на счет фактора ассимиляции русского населения в последней.

Крупнейшим средоточием русских в Молдове оставался Кишинёв – около 100 тыс. чел. Несмотря на существенное абсолютное и удельное сокращение, русская община оставались одним из крупнейших национальных сообществ молдавской столицы, сохраняя уже почти двухвековую традицию.

Кишинёв ощутимо русифицировался уже в первой половине XIX в. А в последние полвека имперского периода русские составляли более четверти его жителей. Данный показатель несколько снизился в румынский период развития Молдавии (в 1930 г. русских в Кишиневе чуть более $\frac{1}{5}$ от общей численности горожан). К концу 1950-х гг. он вырастает почти до трети, чтобы к концу советского периода постепенно снизиться до четверти (рис. 2.16).

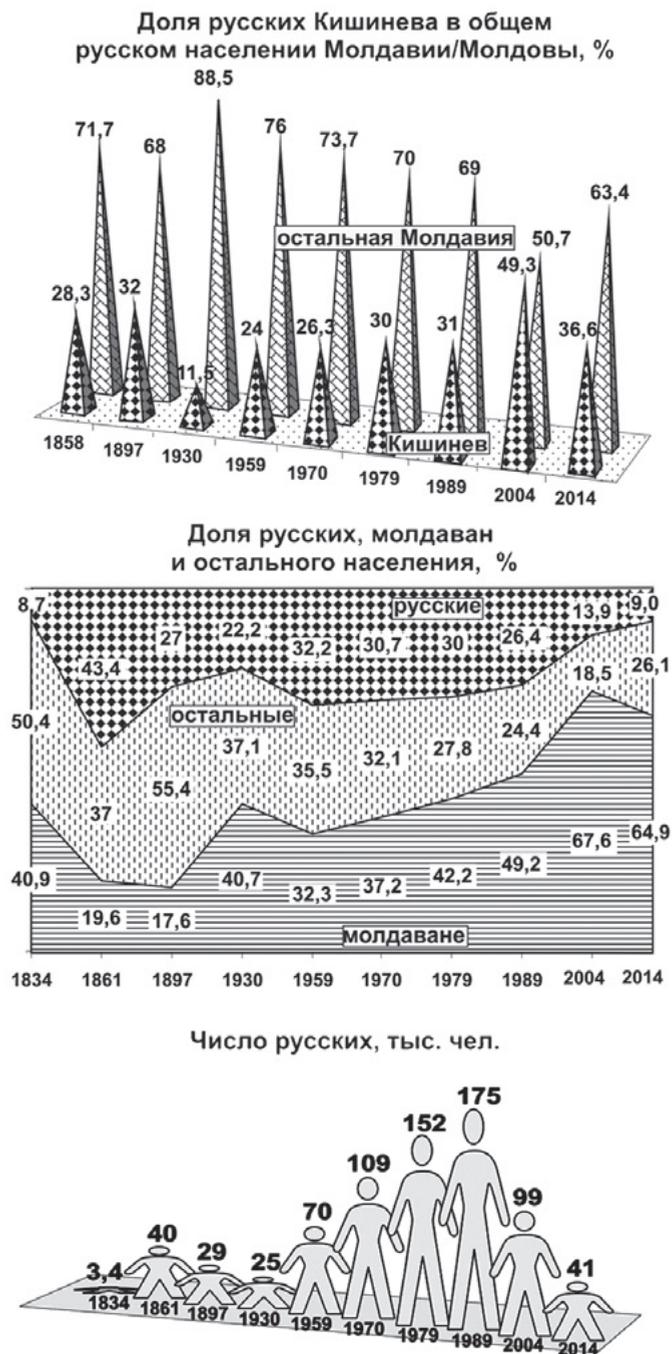

Рис. 2.16. Динамика русского населения Кишинева (тыс. чел., %)¹

¹ Рассчитано по: Кабузан В.М. Русские в мире. С. 291; URL: <http://pop-stat.mashke.org/moldova-ethnic2004.htm>; <http://pop-stat.mashke.org/moldova-ethnic2014.htm>

В начале XXI в. социально-экономическая и социокультурная ситуация в молдавском обществе определенным образом меняется. Ведущие позиции во всех значимых социальных сферах и иерархиях устойчиво перешли к представителям титульного большинства, и масштабы этнизации социальной повседневности несколько сократились, поскольку на системную доминанту молдаван русские (не говоря о представителях других крупных национальных групп) уже не претендовали.

Оставшееся в Молдове русское население со своей стороны приспособилось к новому статусу, социально-экономическим и социокультурным возможностям, как и к системным ограничениям. Возросший уровень адаптации хорошо иллюстрируется языковым показателем: если в конце советского периода молдавским языком владело только 11,5 % местных русских, то к 2007 г. этот показатель вырос до 27,4 %. Но максимальный уровень адаптации демонстрировала русская молодежь – поколение, родившееся и выросшее уже в независимой Молдове, для которого постсоветские реалии были изначальной данностью. Среди молодых русских страны уровень знания «государственного» языка во второй половине 2000-х гг. превышал 50 % и продолжал увеличиваться (есть все основания полагать, что к концу 2010-х гг. этот показатель может составлять уже 75–80 %).

Все факторы демографической убыли, характерные для первых 15 лет постсоветского периода, сохранились и во второй половине 2000-х, перейдя затем и во второе десятилетие XXI в. Хронически сложная социально-экономическая ситуация в республике определяла отток русских из республики, который не был значительным, но носил очень устойчивый характер и составлял как минимум 1–2 тыс. чел. в год¹.

Естественная убыль к концу «нулевых» могла несколько сократиться в сравнении с показателями начала десятилетия, но едва ли была меньше ежегодных 4–5 ‰², поскольку и устойчивый отток, и ассимиляция были причиной всё более ощутимого старения русского населения. В первую очередь из республики уезжали люди молодого и среднего (трудоспособного) возраста. А «молдавизация» в начале XXI в. происходила уже в основном не через смену русской идентификации на титульную, а путем изначального выбора молдавской национальности молодым потомством смешанных семей. В результате если в 1989 г. доля детей до 9 лет русского населения Молдавии составляла 19,8 %, то в 2004 г. только 7,6 %³.

¹ В действительности его размеры в отдельные годы могли превосходить эти цифры в несколько раз.

² Причем с середины второго десятилетия XXI в. начался новый ее рост, способный в считанные годы довести коэффициент естественной убыли до 9–10 промилле и более.

³ При этом удельный вес старших возрастных групп (людей старше 50 лет) превышал треть от общей численности местных русских. Впрочем, больше трети русских были старше 50 лет и в самой РФ, хотя доля русских детей в России была несколько выше (10,4 %).

Продолжала расти межнациональная брачность, смешанное потомство которой в своем большинстве выбирало титульную идентичность. Социологические исследования начала XXI в. фиксировали отчетливый рост ассимиляционных настроений у представителей русской общины страны.

«Среди опрошенных в конце 1990-х гг. в Молдавии русских людей лишь 4 % ответили, что хотели бы видеть своих детей русскими; только 17 % хотели бы, чтобы их дети выросли людьми, знающими русский язык и культуру. В исследовании 2007 г., проведенном среди городского населения республики, лишь 8 % опрошенных русских хотели бы видеть своих детей русскими, 12 % высказали желание видеть своих детей знающими русский язык и культуру... У русской молодежи, состоящей в смешанных браках, наблюдается стремление к выбору для своих детей нерусской национальности, что свидетельствует о наличии установки на естественную ассимиляцию у значительной части русских, состоящих в подобных браках»¹.

Иными словами, результаты опросов уже в 2000-е гг. фиксировали высокую вероятность сценария стремительного демографического сжатия русской общины Молдовы даже не в отдаленном будущем, но в среднесрочной перспективе. Действительно, как минимум уже два поколения значительная часть местных русских имела супруга другой национальности и в последние 10–15 лет была ориентирована на смену национальности их общим потомством (по крайней мере не возражала против этого). И все младшие возрастные группы русской общины – по сути, молодежная генерация почти в полном составе, вплоть до людей 30–35 лет, – была социокультурно дерусифицирована в самой значительной степени. В такой ситуации, как показывают расчеты, достаточно было 10–15 лет, чтобы медианный возраст русских Молдовы поднялся до 45–50 лет, что свидетельствовало бы уже о почти неизбежном демографическом коллапсе русской общины страны в течение двух-трех десятилетий.

Перепись 2014 г. в самой значительной степени подтвердила реальность данных опасений. За 10 лет (2004–2014 гг.) численность русских в Молдове сократилась почти вдвое – с 201 до 112 тыс. чел. И в демографическом рейтинге народов они переместились с третьей позиции на пятую, пропустив вперед румын и гагаузов. Средний возраст русского населения поднялся до 43,5 года. Из числа ведущих национальных сообществ страны более возрастной была только украинская община (47 лет). Однако ее демографическое

---

¹ Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдове: демографические и социальные трансформации. С. 131–132.

сжатие (–36 %) в межпереписной период оказалось менее значительным, чем у русских Молдовы.

Гендерная структура русского населения, в которой на протяжении всего советского периода обнаруживался ощутимый перевес женщин (последствия войны), в последние десятилетия деформировалась еще больше. В середине 2010-х гг. на 100 женщин в Молдове приходилось только 77 мужчин.

Убыль русских была повсеместной и ощутимой на всех уровнях системы расселения. Но быстрее сокращались городские общины. В 2004–2014 гг. число русских горожан в стране сократилось в 2 раза, поселян – только на 18 %. Сравнение динамики самих городских общин обнаруживает опережающее демографическое сжатие столичной, размеры которой в период между переписями сократились в 2,4 раза, тогда как остальных горожан стало меньше в 1,64 раза. Таким образом, именно наиболее модернизированное русское население страны несло максимальные потери, что могло быть связано как с ускоренной «титулизацией», так и с более активной его эмиграцией за пределы Молдовы в страны Евросоюза.

Несмотря на то, что уровень межнациональной брачности русских в сельской местности был выше, темпы их ассимиляции были не столь велики, как в городской среде. Как результат, уровень урбанизации русских, возраставший на протяжении всего послевоенного периода, в постсоветские десятилетия начал сокращаться (табл. 2.12).

Таблица 2.12. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Молдавии/Молдовы, 1989–2014 гг. (тыс. чел, %)¹

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских (%)			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1989	562,1	483,7	78,3	86,1	13,0	23,9	3,4	86	85	83
2004	201,2	166,4	34,8	82,7	5,9	12,8	1,68	82	–	–
2014	111,7	83,2	28,5	74,5	4,0	8,7	1,53	77	–	–

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=9; <http://pop-stat.mashke.org/moldova-ethnic2004.htm>; Перепись населения Республики Молдова, 2014. URL: <http://recensamant.statistica.md>. Для 1989 г. данные по всей Молдавской ССР, для 2004–2014 гг. – по Республике Молдова без учета Приднестровской Молдавской Республики.

Вклад отдельных факторов в демографическую убыль русских Молдовы рассчитывается только в первом приближении, поскольку неизвестной остается реальная величина миграционного оттока. Тем более что трудовая миграция шла не только в Россию, но и страны Евросоюза. Если исходить из среднегодовой величины в 2–2,5 тыс. чел., отток русских за период 2004–2014 гг. мог составить порядка 20–25 тыс. чел. Размеры естественной убыли за этот период находились в диапазоне 6–10 тыс. чел. На ассимиляцию могло приходиться почти $\frac{2}{3}$ всех демографических потерь русской общины (54–63 тыс. чел.) (рис. 2.17).

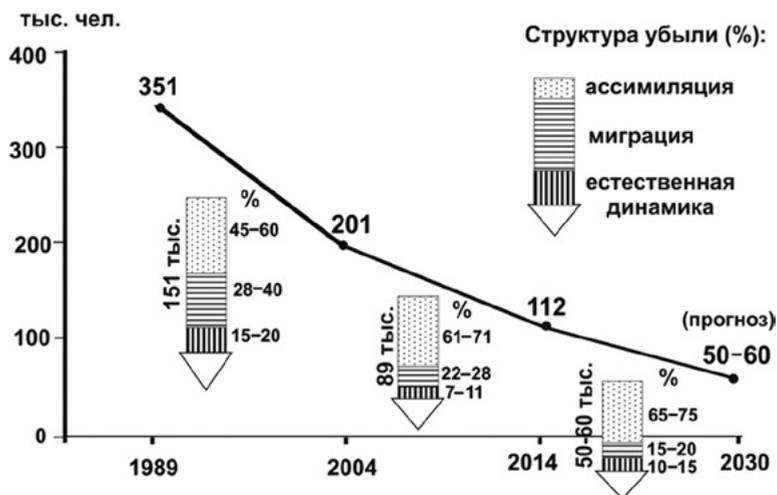

Рис. 2.17. Количественная убыль русского населения Молдовы (без Приднестровья) и его структура, 1989–2030 гг. (тыс. чел., %)¹

Структура потерь и сами масштабы депопуляции указывают, что прогнозируемый по результатам социологических опросов 2000-х гг. сценарий быстрого демографического «заката» русской общины Молдовы уже начал реализовываться. Это будет означать сохранение уже зафиксированного темпа количественного сжатия и в последующие десятилетия. Иными словами, численность русских в стране каждое следующее десятилетие с большой вероятностью будет сокращаться на 35–45 %.

Исходя из этого количественного алгоритма, русское население Молдовы в начале 2019 г. (через пять лет после переписи 2014 г.) могло составлять 90–95 тыс. чел. К 2030 г. русская община сократится до 50–60 тыс. чел., а к середине века в стране останется 25–40 тыс. русских.

¹ Расчеты автора.

Заметим, однако, что прогноз естественной динамики русской общины, выполненный с помощью метода передвижки возрастов, рисует куда более положительный сценарий, согласно которому численность русских к 2030 г. может сократиться на 10–12 % от уровня 2014 г., а к середине века – на 25–30 %. Иными словами, без учета миграции и ассимиляционного процесса в 2030 г. в Молдове может оставаться 98–100 тыс. русских, а к 2050 г. – порядка 78–84 тыс. чел. Данный расчет подтверждает, что основными причинами депопуляции местного русского населения являются отток и ассимиляция, способные в разы увеличить темпы его демографического сжатия.

Таблица 2.13. Возрастная структура
ведущих национальных сообществ Молдовы¹

Национальность	Возраст, полных лет					
	0–14	15–29	30–49	50–64	65–84	85 и более
Русские	12,8	18,3	26,2	24,3	16,8	1,6
Украинцы	10,8	17,0	25,8	26,0	18,8	1,7
Молдаване	18,1	24,4	27,1	20,5	9,3	0,7
Гагаузы	17,8	23,9	25,5	23,7	8,4	0,7
Румыны	16,6	27,2	27,0	20,1	8,5	0,6

Приднестровская Молдавская Республика (ПРМ)

Динамика русского населения Приднестровья в постсоветский период протекала по существенно иному сценарию. Тем больший интерес она представляет, поскольку сравнение с молдавским вариантом позволяет выявить, насколько социально-политическая и этнополитическая компоненты общественной жизни социума влияют на его этнодемографическую динамику.

Русское население в пределах левобережья Днестра было достаточно многочисленным уже в начале XX в. По переписи 1926 г. оно насчитывало около 36 тыс. чел., увеличившись к рубежу 1950–1960-х гг. до 63 тысяч.

¹ Рассчитано по: Перепись населения Республики Молдова, 2014. URL: <http://recensamant.statistica.md>

К этому времени русская община составляла уже почти пятую часть местного населения. Но особенно быстрый ее рост приходится на последующие десятилетия¹. К концу советского периода в пределах Приднестровья проживало уже 211 тыс. русских. И по численности они являлись вторым национальным сообществом, уступая только молдаванам.

Не вызывает сомнения и то, что сохранение левобережья в составе независимой Молдовы запустило бы процесс быстрого сокращения русской общины по аналогии со всеми другими районами страны. Однако создание политически независимого от Кишинёва пророссийского государственного образования способствовало сохранению высокого социального статуса русской национальности. Депопуляция русских определялась только двумя факторами – естественной убылью и миграционным оттоком. Причем показатели как первой, так и второй могли быть заметно выше, чем в Молдове, вследствие более тяжелого социально-экономического положения непризнанной республики.

За период 1989–2004 гг. население Молдовы, также испытывавшей серьезные экономические сложности, согласно официальным данным, сократилось на 5,7 % (с 3,59 до 3,38 млн чел.), а Приднестровье утратило 26 % своих жителей (сокращение с 750 тыс. до 555 тыс. чел.). Ускоренное демографическое сжатие ПМР продолжилось и в дальнейшем. За 2004–2017 гг. население республики, сократившись до 469 тыс. чел., потеряло еще 15,5 % своего демографического потенциала. Впрочем, общие потери населения Молдовы между двумя переписями (2004–2014 гг.) также оказались самыми значительными – 13,9 %.

Если в конце советского периода рождаемость в левобережных районах составляла 16 ‰, то в 1990-е гг. она сократилась почти вдвое и на уровне 9–9,5 ‰ сохранялась все два первых десятилетия XXI в. (при смертности в 14–15 ‰). В Молдове оба показателя находились на примерно одинаковом уровне 10,5–11 ‰, обеспечивая простое воспроизводство населения, в отличие от ПМР, среднегодовые естественные потери населения которой составляли 4–5 ‰.

Показательно, что удельное соотношение трех основных национальных групп непризнанной республики – молдаван, русских и украинцев – на всем протяжении постсоветского периода почти не менялось. Если пророссийская ориентация ПМР обеспечивала устойчивое воспроизводство местного населения (в том числе и смешанного) русской идентичности, то системная

¹ Это в первую очередь было связано с трудовыми мигрантами, прибывшими на металлургический завод в Рыбницу и в другие промышленные центры левобережья.

неопределенность положения республики, непредсказуемость ее дальнейших социально-политических перспектив определяли достаточную устойчивость и двух других национальных групп. Как результат, демографическая динамика всех трех ведущих народов долгое время находилась в прямой корреляции с изменением общей численности населения Приднестровья – то есть все они убывали примерно с одинаковой скоростью.

Только в межпереписной период 2004–2015 гг. обнаружилась ускоренная количественная убыль украинской общины, которая может указывать на работу ассимиляционного фактора, причем как в сторону обрусения, так и молдавизации. Именно русские и молдаване несколько увеличили свой удельный вес в населении республики. Причем в первую очередь демографически выигрывала русская община: перепись 2015 г. обнаружила в республике примерно на 10 тыс. русских больше, чем их насчитывала текущая статистика населения (очевидное свидетельство работы ассимиляционного процесса) (табл. 2.14).

Таблица 2.14. Демографическая динамика основных национальных сообществ левобережных районов Днестра (тыс. чел., %)¹

Показатели	1926	1959	1989	1993	1995	2004	2012	2014	2015
<i>Численность, тыс. чел.</i>									
Всё население	262,0	327,9	750	712,5	696,1	555,3	509,4	500,7	474,5
молдаване	115,5	136,8	–	243	233,5	177	162,5	159,7	156,6
русские	35,9	63,3	211	214,3	200,8	168	154,9	152,2	161,3
украинцы	71,2	103,3	–	199,3	–	160	146,7	144,2	126,7
остальные	39,4	24,5	539	55,9	261,8	50,3	45,3	44,6	29,9
<i>Удельный вес, %</i>									
Всё население	100	100	100	100	100	100	100	100	100
молдаване	44,1	41,7	–	34,1	33,5	31,9	31,9	31,8	33,0
русские	13,7	19,3	28,1	30,1	28,8	30,4	30,4	30,3	34,0
украинцы	27,2	31,3	–	28,0	–	28,0	28,8	28,7	26,7
остальные	15,0	7,7	–	7,8	–	9,7	8,9	9,2	6,3

Если в 1993–2004 гг. численность русских в Приднестровье сократилась на 54 тыс. чел., то в следующие 11 лет (2004–2015 гг.) потери оказались менее

¹ Кабузан В.М. Русские в мире; Перепись населения Республики Молдова, 2014. URL: <http://recensamant.statistica.md>; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

7 тыс. чел. (-4 %). Между тем украинцев в последний межпереписной период в республике стало меньше на 33 тыс. чел. (-21 %).

Конечно, не стоит быть заложником голой статистики. Тем более что помимо возможных неточностей и натяжек, связанных непосредственно с самой переписью и ее результатами, следует учитывать конъюнктурный характер идентичной самоидентификации значительной части би(поли) этнического населения Приднестровья. Как свидетельствует опыт той же Молдовы, достаточно сместиться социально-политическому вектору, чтобы соотношение различных национальных групп социума в считанные годы изменилось, и весьма существенно.

Именно различие системной ориентации двух молдавских государственных образований и определило динамику их русских общин, количественное соотношение которых в постсоветский период поменялось кардинальным образом. Если в 1989 г. (еще в составе Советской Молдавии) русских Приднестровья было только 60 % от их численности в остальной МССР, то к 2004 г. данные два русских демографических множества почти сравнялись в размерах, а в середине 2010-х гг. уже в ПМР русских было больше на 43 %.

В 2020 г. число русских Приднестровья может уже количественно превосходить русскую общину Молдовы в 2 раза. В дальнейшем (при сохранении социально-политических векторов обоих социумов) эта разница будет только увеличиваться. К 2030 г. она способна стать 2,5–3-кратной, а к середине века – 3,5–5-кратной.

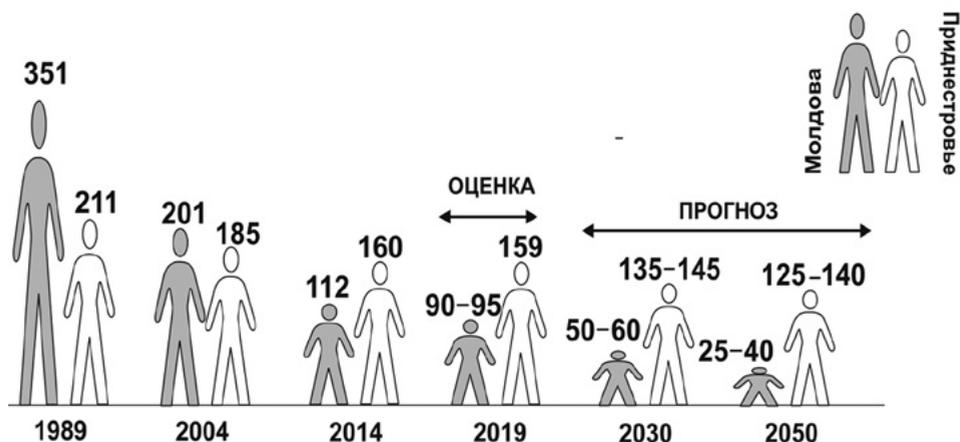

Рис. 2.18. Динамика русского населения Молдовы и Приднестровья, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)¹

¹ Оценка и прогноз автора. Для 1989 г. – данные по левобережным районам Днестра и остальной территории Молдавской ССР.

Впрочем, данный прогноз исходит из официальной статистики ПРМ, согласно которой население республики в 2016–2017 гг. составляло около 470 тыс. чел. Однако многие специалисты уверены в том, что реальный размер населения современного Приднестровья существенно ниже и может составлять порядка 300–350 тыс. чел.¹ Очевидно, что две указанные цифры являются своего рода расчетными полюсами, заключающими количественный диапазон, в пределах которого и может располагаться анализируемый демографический показатель. Но, учитывая сложнейшее положение, в котором уже на протяжении почти трех десятилетий находится Приднестровье, зажатое между двумя враждебными государствами, можно предположить, что нижняя оценка ближе к действительности. И в настоящее время население, фактически проживающее в республике, составляет порядка 350–400 тысяч.

Учитывая, что, в отличие от общей численности, удельный вес и соотношение отдельных национальных сообществ последняя перепись ПМР (2015 г.) может фиксировать достаточно точно, русское население Приднестровья в настоящее время составляет не 160 тыс. чел., а порядка 120–130 тыс. чел.

Конечно, русская община непризнанной республики в любом случае сохранилась значительно лучше русского населения Молдовы, но данное обстоятельство не отменяло ее ощутимого сокращения, связанного с общей ускоренной депопуляцией Приднестровья. Даже по официальным данным среднегодовые демографические потери ПМР составляли 1,3–1,4 %.

Между тем сохранение еще на 2–3 десятилетия столь устойчивого и одновременно интенсивного нисходящего тренда – почти стопроцентная гарантия комплексной социально-экономической деградации Приднестровья к середине XXI в., не говоря уже о глубоком демографическом опустынивании большей части территории республики. Иными словами, русло реальных сценариев развития для ПМР как независимого от Кишинева политического образования постепенно сужается, сохраняя только негативную часть спектра.

Но и возвращение Приднестровья в состав Молдовы, способное решить часть вопросов социально-экономического развития непризнанной республики, для местной русской общины будет означать неизбежное включение сценария дерусификации, причем, возможно, еще более быстрой и жесткой, чем та, что наблюдается в Молдове.

---

¹ Матишов Г.Г. Опасные тенденции и риски на южном фланге России. Ростов н/Д, 2016. С. 116.